

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "CHRONOS"
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**ХIII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»
(03 марта 2017г.)**

г. Москва- 2017

© Научный журнал "Chronos"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Chronos" по материалам XIII международной научно-практической конференции: «Актуальные вопросы общественных наук» г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М: Научный журнал "Chronos", 2017. – 52с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал «Chronos»

Электронная почта: society@chronos-journal.ru

Официальный сайт: chronos-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Филиппова О.Н. Е.Г.ГУРО-ПОЭТ И ХУДОЖНИК (1877-1913 гг.).....	4
Филиппова О.Н. ОБРАЗ ПРИРОДЫ КРЫМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.Ф.БОГАЕВСКОГО (1872-1943 ГГ.)	9

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абуков С.Н. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОРОДЕНСКИХ КНЯЗЕЙ.	15
Донская А.Е. ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КИТАЙЦЕВ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.	17

ФИЛОЛОГИЯ

Потапова Н.М. ПРИМЕР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ДИСКУРСА23	
Билан Т.А., Дрига Е.В. ВЫЯВЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПНОГО ОТНОШЕНИЯ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ К ЕГЭ (опыт лексико-семантического эксперимента)	29
Дрига С.С. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС»	36
Алейник А.С., Медведева А.И. НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ОДЕЖДЫ В БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРАХ	43

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Е.Г.ГУРО-ПОЭТ И ХУДОЖНИК (1877-1913 гг.).

Филиппова Ольга Николаевна

*Преподаватель первой категории ГБУДО
г. Москвы «Детской художественной школы» №9.*

Аннотация

Среди русских футуристов Елена Генриховна Гуро (1877-1913 гг.), вероятно, известна меньше остальных, хотя она – одна из самых тонких и оригинальных русских писательниц – явно заслуживает иной участи. Талант Е.Г.Гуро оставил след не только в истории русской литературы начала XX века, но и в живописи, которой она занималась всю свою короткую жизнь вполне профессионально.

The summary

Among the Russian futurists Elena Genrikhovna Guro (1877-1913), was probably less known than others, although it is one of the finest and most original Russian writers – clearly deserves a different fate. The talent of E.G.Guro left a mark not only in the history of Russian literature of the early XX century, but in painting, which she did all his short life quite professionally.

Ключевые слова

Авангард, поэт, художник, живопись, графика, акварель, масло, тушь, пейзаж, натюрморт, рисунки животных.

Keywords

Advance-guard, poet, artist, painting, graphic arts, water-colour, oil, Indian ink, landscape, still life, drawings of animals.

Елена Генриховна Гуро (1877-1913 гг.) стоит особняком в ярком, и пестром художественном мире начала XX века, хотя ее весьма ценили футуристы, признавая своей предтечей. Но было бы неправильно говорить в связи с творчеством Е.Г.Гуро о футуризме, равно как и обо всех прочих «измах», ибо оно не поддается никакому стилевому ограничению [9, 36].

Традиционно главное влияние на становление личности оказывает семья. По отцовской линии Е.Г.Гуро происходила из старинного и знатного рода французов-гугенотов. Отец Е.Г.Гуро Генрих Степанович, окончивший частное учебное заведение, служил в Штабе гвардейского корпуса, далее состоял для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа Великом князе Владимире Александровиче. Участвовал в боевых действиях (1855, 1863). Произведен в генералы от инфантерии, награжден отечественными и иностранными орденами.

Со стороны матери дедом был известный писатель и педагог М.Б.Чистяков (1809-1885 гг.). После окончания духовного училища и Московского

университета, где он учился вместе с В.Г.Белинским и Н.А.Добролюбовым, М.Б.Чистяков становится преподавателем русской словесности; через несколько лет занимает должность инспектора классов в Николаевском сиротском институте (в настоящее время – Педагогический университет имени А.И.Герцена, Санкт-Петербург). Здесь он прослужил тридцать три года, кроме того, преподавал в Павловском кадетском корпусе и Смольном институте благородных девиц, разработав несколько оригинальных педагогических курсов. Вместе с женой Софьей Афанасьевной, детской писательницей, издавал ежемесячный «Журнал для детей» (1851-1865 гг.) [3, 237].

Е.Г.Гуро родилась в Санкт-Петербурге. Она была поздним и последним – третьим – ребенком в семье. В раннем детстве Елены квартира родителей (№6) располагалась на Дворцовой площади, 4, в здании Штаба гвардейского корпуса. В семье Е.Г.Гуро существовал строгий распорядок. Дети воспитывались в традициях долга, чести, аристократизма, рыцарственности, свойственных мужской половине рода – потомственным военным. От матери, Анны Михайловны, с отличием окончившей Николаевский институт, в котором преподавал ее отец, и обладавшей натурой мягкой, нежной, утонченно-эстетичной, Елена унаследовала художественный талант и артистичность.

В 1880 году родители Елены приобрели в Сосединской волости Лужского уезда Псковской губернии большой участок земли и построили там двухэтажный деревянный дом. Имение называлось «Починок». Окрестные достопримечательности – Феофилова пустынь, поморские поселения, латышская часовня и др. – давали обильную пищу воображению. Е.Г.Гуро начинает рисовать и записывать свои впечатления и фантазии. Лето она проводила в деревне среди природы, а осенью возвращалась в свой «каменный карман», как она называла город, привозя много рисунков, картин и записей в стихах и прозе [10, 327]. Сохранились ее тетради и альбомы раннего периода, полные рисунков и записей, стихотворных и прозаических.

Следствием интереса к искусству стало решение поступать в 1890 году в Рисовальную школу Общества поощрения художеств в Петербурге. Елена окончила ее в 1898 году, а затем продолжила занятия живописью в мастерской известного художника Я.Ф.Ционглинского (1858-1913 гг.). Первые творческие шаги в живописи делает в мастерской и музыкант М.В.Матюшин (1861-1934 гг.), который привлек к себе внимание Е.Г.Гуро. На момент встречи у М.В.Матюшина была большая семья и известное имя «первой скрипки Придворного оркестра» [4, 202]. В декабре 1904 года (по другим источникам в 1906 году) Е.Г.Гуро стала его женой.

Разрыв с Я.Ф.Ционглинским заставил их покинуть его мастерскую. Это было в 1906 году. Они перешли в частную студию Е.Н.Званцевой, где преподавали Л.С.Бакст и М.В.Добужинский. Здесь они проработали два года, после чего началось их участие в выставках. Мастерская Е.Н.Званцевой многого не дала. «Мюнхенец» М.В.Добужинский был эклектик, а

Л.С.Бакст, опытный и культурный «мирискусник», был академичен [10, 153]. Но они не мешали им развиваться и идти своим путем.

В сфере изобразительного искусства основными ориентирами для Е.Г.Гуро стали модерн и импрессионизм. В русском искусстве, связанном со стилем модерн, Е.Г.Гуро выделяла работы М.А.Врубеля, В.Э.Борисова-Мусатова, В.В.Кандинского и Е.Д.Поленовой. В 1903 году Е.Г.Гуро написала о Е.Д.Поленовой специальную статью, где обозначила наиболее привлекательные для нее стороны в творчестве художницы – «смесь реального с фантастическим» и «прелесть детского мировоззрения» [1, 166].

Эти свойства, отмеченные в произведениях Е.Д.Поленовой, имеют непосредственное отношение к собственной философии природы Е.Г.Гуро. Подобным же образом и описание главных принципов творчества Е.Д.Поленовой точно передает характеристики творческого метода самой Е.Г.Гуро. «Чувствуешь, как она любила природу, просто захватывающим детским чувством, – пишет Е.Г.Гуро. – Страстно наблюдала ее, и потом уже изображала, не задаваясь удивить техникой мастерства, искусственно выдумать, вырастить что-то новое» [2, 148].

Особый интерес у Е.Г.Гуро вызвала серия работ Е.Д.Поленовой, в которых она разрабатывала растительные орнаменты, различные образцы стилизованных цветов: «Здесь каждый орнамент картина, – пишет она об этих работах Е.Д.Поленовой, – это дивная музыка, положительно симфонии в красках! Это целый мир; самое глубокое, что только создала ее душа! Именно может оттого, что нет определенности, нет рамок воображению. Тут самые причудливые сплетения рисунка, самые фантастические сопоставления красок» [1, 167].

Многочисленные поленовские эскизы цветов и орнаментов стали истоками «изобразительных мелочей» Е.Г.Гуро. Но если у Е.Д.Поленовой, как и у близких ей художниц М.В.Якунчиковой, Н.Я.Давыдовой, они носят обязательный прикладной характер – это эскизы либо для вышивок, либо для ткани, то у Е.Г.Гуро это условие снимается. В одной из наиболее монументальных, живописных ее работ – панно «Ростки» (1906-1907 гг.), в котором отражены рост и движение природных форм, можно уловить отголоски орнаментов Е.Д.Поленовой, но станковая композиция обладает уже автономным, новым смыслом [5, 56].

Начиная с 1908-1909 годов самый частый и излюбленный мотив акварелей Е.Г.Гуро – это натюрморт, или же отдельные изображения камней, цветов, корней деревьев. В живописной работе «Камень» (1910-1911 гг.) то же самое, что и в «Ростках», но только здесь «мир становления» (движение и рост) в мире органическом [6, 11]. «Сказкой о камне» назвал эту работу художник Б.В.Эндер (1893-1960 гг.), последователь Е.Г.Гуро и также, как она, воспринимавший мир, как единое целое. Подлинного совершенства Е.Г.Гуро достигает в набросках кошек: она добивается передачи пластического объема, отказываясь от светотени, одной характерной, почти непрерывной линией.

В сложении единого образного строя поэзии и живописи Е.Г.Гуро важную роль сыграл на первый взгляд рискованный опыт уподобления принципов народного искусства и мифологии – конструкции детского восприятия. В 1908-1910-х годах художница обратилась к стилистике неопримитивизма – в живописных работах «Женщина в платке» (Скандинавская принцесса), «Утро великана», «Чаепитие» [5, 57]. Ее холсты по живописным качествам сравнимы с импрессионистскими полотнами М.Ф.Ларионова с той лишь разницей, что живопись Е.Г.Гуро вызывает впечатление более тонкой духовной организации. Кажется, что материальная субстанция красок без остатка претворилась в светоносно-вибрирующие, нежно-мерцающие, дымно-клубящиеся цветовые образования, как бы наделенные свойством духовности. Таков фон в ее картине «Утро Великана» [8, 324].

В своих работах последнего периода, суть которых М.В.Матюшин определял, как «синтетизм», Е.Г.Гуро посвящает себя исследованию законов цвета, его светоносности [5, 57]. Путь от первой оформленной ею собственной книги («Шарманки») к рисункам к «Небесным верблюджатам» и «Бедному рыцарю», ограниченный временными рамками четырех-пяти лет, по значению своему огромен [5, 57]. Подобно тому, как в языке Е.Г.Гуро нет излишней яркости и витиеватости описаний, так и в ее рисунках, в которых роль метафоры теперь выполняет цвет, есть та же скромная цельность. Поэтическая точность, отличающая стилистику ее прозы, присутствует и в живописи.

Акварели и рисунки к книгам «Осенний сон», «Небесные верблюджата», «Бедный рыцарь» имеют некоторые стилистические черты, позволяющие сравнить их с фресками раннего возрождения или с иконой – в первую очередь это определившийся колорит, в котором доминируют розовый, золотой, зеленый, голубой, белый [5, 57]. При этом цвет не только эмоционально выразителен, но символичен и сакрален.

Особое положение в творчестве Е.Г.Гуро занимают рисунки, сопровождающие ее рабочие тетради и дневники. Это – наброски чернового порядка. Иногда линии буквально еле-еле очерчивают контур предмета, как бы намечая его внутренний ритм. Или на фоне общей незавершенности тщательно разрабатывается какой-либо фрагмент: ветка, часть ствола дерева и т.п. В общем контексте литературного и изобразительного творчества Е.Г.Гуро эти рисунки воспринимаются, как необходимые компоненты и столь же содержательные, как и законченные произведения.

В 1913 году она приняла участие в написании второго тома книги «Садок судей», где вместе с Д.Д.Бурлюком, В.В.Маяковским, В.В.Хлебниковым и А.Е.Крученых подписала декларацию «новых принципов творчества», законченную словами: «Мы новые люди нового мира» [7, 574]. «Трое», еще одна авангардистская книга, появилась в сентябре 1913 года со стихами и статьями Е.Г.Гуро, В.В.Хлебникова и А.Е.Крученых [7, 574]. Она была посвящена памяти Е.Г.Гуро, которая умерла за несколько месяцев до этого от туберкулеза в возрасте тридцати шести лет. После ее смерти в 1914

году вышли в свет «Небесные верблюжата» (с рисунками автора; в текст были включены также подлинные дневниковые записи), которые привлекли к себе внимание некоторых критиков-энтузиастов [7, 574]. Были организованы и выставки ее художественных работ.

Как отметил русский писатель Н.И.Харджиев, большинство русских поэтов-футуристов пришли к поэзии от живописи. Но, Е.Г.Гуро, по словам М.В.Матюшина, была столько же поэт, сколько художник [3, 239]. Живописи Е.Г.Гуро, как и ее поэзии, в высшей степени присуще музыкальное начало. Она чувствовала, как отмечал М.В.Матюшин, «связь цвета со звуком», и ее начинания в этой области были продолжены самим М.В.Матюшиным и его учениками Б.В. и М.В.Эндер [8, 325].

Список литературы:

1. Бобринская Е.А. Натурфилософские мотивы в творчестве Елены Гуро // Вопросы искусствознания. – XI (2/97). – С.159-178.
2. Бобринская Е.А. Русский авангард: истоки и метаморфозы. М.: Пятая страна, 2003. Вып.2. 302с.
3. Вострецова Л.Н. Гуро Елена (Элеонора) Генриховна (1877-1913) // Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. Т.1. / Авт.-сост.: В.И.Ракитин, А.Д.Сарабьянов. М.: Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2013. С.237-240.
4. Григорьева Н.В. Преданная забвению // Выборгский район Ленинградской области. Краеведческий сборник. СПб.: ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2009. С.201-209.
5. Гурьянова Н.А. От импрессионизма к абстракции: живопись и графика Елены Гуро // Искусство. – 1992. – №1. – С.53-58.
6. Елена Гуро. Поэт и художник. 1877-1913: Каталог выставки. Живопись. Графика. Рукописи. Книги. СПб.: Мифрил, 1994. 113с.
7. Елена Гуро (1877-1913) // История русской литературы: XX век: Серебряный век. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1995. С.574-578.
8. Ковтун Е.Ф. Елена Гуро. Поэт и художник // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1976. М.: Изд-во «Наука», 1977. С.317-326.
9. Подунова Н.И. «Даятель, а не отниматель». К портрету русской поэтессы, писательницы, художницы Елены Генриховны Гуро (1877-1913) // Московский журнал. – 2016. – №5(305). – С.35-43.
10. Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В двух томах. Т.1. М.: Изд-во «РА», 1997. 388с.

References:

1. Bobrinskaya E.A. The natural philosophy motives in the creative work of Elena Guro // The Questions of art. – XI (2/97). – P.159-178.
2. Bobrinskaya E.A. Russian avant-garde: origins and metamorphoses. M.: The Fifth country, 2003. Vol.2. 302p.

3. Vostretsova L.N. Guro Elena (Eleanor) Genrichovna (1877-1913) // encyclopedia of Russian avant-garde. Art. Architecture. T.I. / Ed.-comp.: V.I. Rakitin, A.D.Sarabyanov. M.: Global Expert and Service Tim, 2013. P.237-240.
4. Grigorieva N.V. Forgotten // Vyborg district of the Leningrad region. The local history collection. SPb.: ООО «ITD «ISLAND», 2009. P.201-209.
5. Guryanova N.A. From impressionism to abstraction: paintings and drawings of Elena Guro // Art. – 1992. – No.1. – P.53-58.
6. Elena Guro. The poet and the artist. 1877-1913: Exhibition Catalogue. Painting. Graphics. Of the manuscript. Books. SPb.: Mithril, 1994. 113p.
7. Elena Guro (1877-1913) // History of Russian literature: The twentieth century: The Silver age. M.: Izd. group "Progress" – "Litera", 1995. P.574-578.
8. Kovtun E.F. Elena Guro. The poet and the artist // Monuments of culture. New discoveries. Writing. Art. Archaeology. Yearbook 1976. M.: Izd-vo "Nauka", 1977. P.317-326.
9. Podunova N.I. "The giver, not ultimately". To the portrait of the Russian poet, writer, artist Elena Genrihovna Guro (1877-1913) // Moscow journal. – 2016. – №5(305). – P.35-43.
10. Gergiev N.I. Articles on avant-garde. In two volumes. T.I. M.: Publishing house "RA", 1997. 388p.

ОБРАЗ ПРИРОДЫ КРЫМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.Ф.БОГАЕВСКОГО (1872-1943 ГГ.)

Филиппова Ольга Николаевна

*Преподаватель первой категории ГБУДО
г. Москвы «Детской художественной школы» №9.*

Аннотация

Крым являлся «источником вдохновения» для многих поколений русских художников. Наиболее известны широкому кругу любителей живописи великий маринист И.К.Айвазовский и его последователи А.И.Фесслер, Л.Ф.Лагорио, А.В.Ганзен. Они вдохновлялись красотой Черного моря, воспроизводя его стихию в своих произведениях. Художник Киммерийской школы живописи К.Ф.Богоевский (1872-1943 гг.), опираясь на искусство предшественников, обратил свой взор на землю древней Киммерии.

Abstract

Crimea was the "source of inspiration" for many generations of the Russian artists. The most known to a wide circle of art lovers of the great marine painter I.K.Aivazovsky and his followers, A.I.Fessler, L.F.Lagorio, A.V.Hansen. They were inspired by beauty of the Black sea, reproducing his element in the works. Artist Cimmerian painting school of K.F.Bogaevsky (1872-1943), was based on the art of his predecessors, turned his look to the land of ancient Cimmeria.

Ключевые слова: Художник, Крым, пейзаж, живопись, графика, выставка

Keywords: Artist, Crimea, landscape, painting, graphic arts, exhibition

Крым являлся «источником вдохновения» для многих поколений русских художников. Наиболее известны широкому кругу любителей живописи великий маринист И.К.Айвазовский и его последователи А.И.Фесслер, Л.Ф.Лагорио, А.В.Ганзен. Они вдохновлялись красотой Черного моря, воспроизводя его стихию в своих произведениях. Художник Киммерийской школы живописи К.Ф.Богаевский (1872-1943 гг.), опираясь на искусство предшественников, обратил свой взор на землю древней Киммерии. Его пленила ее суровая красота и многовековая история, впитавшая в себя культуру многих народов, ее населявших.

К.Ф.Богаевский родился 12 (25) января в одном из старинных городов Крыма – Феодосии в семье мелкого чиновника, а с восьмилетнего возраста воспитывался в доме богатого горожанина И.Е.Шмидта. Его интерес к изобразительному искусству обнаружился с ранних лет. В детстве он брал уроки у известного феодосийского художника А.И.Фесслера, ученика и последователя И.К.Айвазовского. Иван Константинович в то время был, по выражению М.А.Волошина, «отцом города», которого все почитали [8, 392].

В Феодосии он создал Музей древностей, где были представлены археологические коллекции. Здание, выстроенное в неоклассическом стиле и напоминающее Парфенон, находилось на горе Митридат, возвышающейся над Феодосией. В своем доме, построенном в стиле итальянских палаццо, И.К.Айвазовский открыл картинную галерею, которую впоследствии по завещанию подарил родному городу. Он активно содействовал в постройке порта и в проведении железной дороги, способствовал возведению первого городского концертного зала. Один из самых важных его вкладов в благоустройство своего города, постоянно испытывающего трудности с водоснабжением, – это открытие источника пресной воды на территории его имени Субаш. К.Ф.Богаевскому посчастливилось присутствовать на вечерах и занятиях, устраиваемых великим маринистом, и запомнить ряд важных творческих рекомендаций, которыми он руководствовался и в дальнейшем.

Большую серьезную школу реалистического искусства К.Ф.Богаевский прошел в Петербурге в Императорской Академии художеств в классе замечательного художника-педагога А.И.Куинджи (1841-1910 гг.). Его однокурсник Н.К.Рерих записал в своем дневнике: «Мощный Куинджи был не только великим художником, но также был великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединенна, и только ближайшие его ученики знали глубину души его» [4, 29].

Архип Иванович, удивительной доброты и простоты человек, содействовал тому, что его студенты жили одной семьей. После окончания Академии в 1898 году молодые художники во главе с учителем отправились в заграничную поездку. Они посетили Германию, Францию и Австро-Венгрию, побывали в музеях и мастерских Берлина, Дрездена, Кёльна, Парижа, Мюнхена, Вены, где познакомились с произведениями, как великих мастеров, так и современных им художников.

По возвращении из этого удивительного путешествия К.Ф.Богаевский еще больше увлекся историей своего родного края – загадочной Киммерией, пытаясь воплотить ее в своих полотнах. Большую часть времени он проводил в окрестностях Бахчисарая, в Чуфут-Кале, Мангупе и Тепе-Кермен. Сохранилось несколько его рисунков с изображением древних городов, сделанных графитным карандашом на бумаге, хранящихся сейчас в различных музеях России и Украины. Позже эти рисунки послужат рабочим материалом при написании больших полотен.

К.Ф.Богаевский всегда начинал с небольшого карандашного эскиза, где намечал будущую композицию. Затем писал акварель, большего размера, которая чаще всего становилась законченным произведением. И только после этих двух этапов художник приступал к масляной живописи. Данная система работы восходит к методу старых мастеров Академии XVIII и начала XIX веков. Он свято следовал принципу преобразования природы, который исповедовал его учитель А.И.Куинджи: «В композиции не все правда, – писал К.Ф.Богаевский, – не все натура, какую мы, например, видим, когда пристально всматриваемся в природу, замечаем чуть ли не каждый листок на дереве или каждую трещину в скале. В работе над картиной художник часто принужден прибавлять и убавлять то, что ему кажется необходимым для наиболее яркого выявления образа» [5, 12]. Художник никогда не писал картин каких-то определенных мест, он создавал собирательные образы.

Полотно «Древняя крепость» (1902) было написано одним из первых на сюжет «Трагедии Земли» [8, 394]. Говоря о данной картине, нельзя не вспомнить немецкого художника Арнольда Бёклина с его вариациями на тему «Остров мертвых», с которыми, несомненно, был знаком К.Ф.Богаевский [8, 394]. Константин Федорович переосмысляет здесь тематические искания и творческие находки в области живописи немецкого художника. В композиции К.Ф.Богаевского представлен скалистый берег с крепостной стеной, омываемый со всех сторон бушующим морем.

Передний правый угол затемнен, далее светлая полоса, а на заднем плане бескрайний горизонт, уходящий в темную мглу. Погружение в таинственную бесконечность – вот, что автор предлагает зрителю. Колористически полотно решено в темной гамме с вкраплением светлых контрастов. Автор делает акцент на силе бушующей стихии. Оригинален элемент дороги внутри крепости, уводящей взгляд зрителя в невидимое пространство.

Следующая работа, написанная также в 1902 году, называется «Ночь у моря» [8, 395]. Многие критики и исследователи считают К.Ф.Богаевского художником, пишущим исключительно землю. Это не совсем верно; море, как объект изображения занимает важное место в его творчестве, и это отмечал еще Н.С.Барсамов [1, 13]. Море К.Ф.Богаевского – это суровая, мощная, динамичная пучина, отличающаяся по манере исполнения от других живописцев, и его предшественников, и наставников. В картине «Ночь у моря» зрителю представлены бушующие волны, разбивающиеся о прибрежные камни, за ними тропинка, ведущая в лес, слева от которого находятся

дома [8, 396]. И только плывущий корабль говорит о существовании жизни на земле. Данный мотив напоминает лодку Бёклина в «Острове Мертвых» и сражающиеся со стихией корабли из картин И.К.Айвазовского [8, 396]. Деталь – тропинка, присутствующая на нескольких полотнах Константина Федоровича, – направляет глаз вглубь картины. Полотна К.Ф.Богаевского не охватываются одним взглядом целиком, зритель рассматривает их долго, находя всегда что-то новое, не замечаемое сразу.

В 1903 году художник пишет, в несколько иной для него манере, картины «Последние лучи» и «Пустыня. Сказка» [8, 396]. Они перекликаются с циклом «Звезда. Полюнь», созданным живописцем в последующие годы [8, 396]. Картина «Пустыня. Сказка» стала отражением впечатлений художника от прочитанных им в те годы легенд, мифов, романов его любимых писателей. К.Ф.Богаевский сосредоточен на теме одиночества человека (он отзывается на нее, читая Ф.М.Достоевского) [8, 396]. На картине изображены бескрайние просторы и одинокий всадник – символ одиночества человека в этом мире.

Перелом в творчестве К.Ф.Богаевского происходит постепенно. Примерно в 1906 году появляются «Утро. Розовый гобелен», «Тропический пейзаж», и в этих картинах прослеживается появление новых черт – художник стилизует форму, приближая свои пейзажи к декоративным панно. За счет изменения структуры изображения картина становится похожей на гобелен, и нужно сказать, что эти тенденции проявлялись тогда в творчестве целого ряда художников. И.Э.Грабарь отмечал, что в ту пору «... было очень в моде писать «гобелены» или, вернее, «под гобелены»» [7, 139].

Особенно ярко это выразилось в творчестве художников объединения «Голубая роза» [8, 398]. Произведения «голуборозовцев» с их приглушенным колоритом, декоративностью очертаний больших цветочных пятен, орнаментальностью изображений деталей лиричны, музыкальны, сказочны [8, 398]. Эти тенденции проявились и у К.Ф.Богаевского в картинах-гобеленах «Берег-морья», «Южная страна. Пещерный город» и «Жертвенники» [8, 398].

Начиная с 1906 года внимание художника все более привлекают французские живописцы XVII века Никола Пуссен и Клод Лоррен. К.Ф.Богаевский отмечает в творчестве этих мастеров отточенность композиции, создающую ощущение величия и грандиозности, присутствие в ней элементов идеализированного пейзажа и использует в своих произведениях наиболее полюбившиеся ему пластические приемы.

Уже в отмеченных ранее «гобеленных» работах К.Ф.Богаевского чувствуется влияние французских живописцев [8, 400]. Он вносит в свои композиции спокойный ритм, добиваясь ощущение величия и грации образов. Пейзажи становятся возвышенными и героически-пленительными по духу. Ярче всего это проявилось в картине «Южная страна. Пещерный город» [8, 400].

В 1908 году К.Ф.Богаевский совершил путешествие по Италии. Он смотрел и изучал прекрасных художников этой страны – Карпаччо, Тинторетто, Боттичелли, Микеланджело... В картинах, написанных после возвращения («Воспоминание о Мантенье», 1910, «Панно» для М.П.Рябушинского, 1912), чувствуется большое влияние классического искусства [3, 1]. Оно заметно в выборе пейзажных мотивов, встречающихся в творчестве Мантеньи, Рафаэля, Пуссена, в применении условной классической схемы композиции, где деревья переднего плана служат кулисами, за которыми раскрывается ландшафт, и в манере исполнения произведений в духе живописи старых мастеров.

В 1910 году К.Ф.Богаевский становится участником выставок «Мира искусства» (1910-1913 гг.). Художники «Мира искусства», увлекаясь культурой прошлого, часто использовали в своем творчестве традиции русского и зарубежного искусства. В этот период получают развитие новые живописные искания в творчестве П.П.Кончаловского, И.И.Машкова, А.И.Куприна – поклонников искусства П.Сезанна.

Непосредственное, живое отображение природы, экспрессивность формы, открытое звучание цвета в их произведениях привлекают К.Ф.Богаевского. В сравнении с ними его живопись кажется ему черной и вялой. Его одолевают сомнения, неуверенность в своих силах. Многие из написанного в 1912-1913 годах он уничтожает, а в 1914 году совсем оставляет работу. Вернулся К.Ф.Богаевский к творчеству только после революции.

Уже в начале 1921 года К.Ф.Богаевский становится участником комиссии по выявлению и государственному учету художественных ценностей в Крыму. Получает задание Крымского областного комитета по охране памятников искусства и старины зарисовать древние архитектурные сооружения Феодосии, Судака, Алупки, Ялты. Этим художник занимается на протяжении многих лет. В народной художественной студии, организованной в 1922 году при картинной галерее им. И.К.Айвазовского, он ведет мастерскую живописи, а позднее принимает активное участие в создании рисовальной школы и деятельности галереи.

По заказу Советского правительства К.Ф.Богаевский в 1923 году исполняет четыре картины-панно для крымского отделения первой Всероссийской сельскохозяйственной выставки. В этом же году был выпущен альбом автолитографий. Основная тема рисунков – пейзаж Крыма. В каждом листе заключена глубокая философская мысль художника, ведущего разговор о прошедших веках и тысячелетиях земли. Альбом пользовался большим успехом в СССР и за границей.

1930-е годы для К.Ф.Богаевского периодом большого творческого подъема и поисков новых тем в живописи. Но крымский пейзаж и в советское время остается главной темой в творчестве художника. Он получает героическое, эпическое звучание («После дождя», 1938, «Пейзаж с водопадом», 1942, «Чертов палец», 1940, «Радуга», 1939). В романтическом плане

решена работа «Солнце» (1940). Художник изобразил страну-легенду в радужном ореоле солнечного сияния [3, 2].

Таким образом, К.Ф.Богаевский прошел долгий и трудный путь беспрестанных исканий, часто – разочарований, иногда – радостных находок. К двадцатилетию со дня смерти этого замечательного, своеобразного художника Феодосийской картинной галереей была организована выставка его работ. Среди 149 картин, представленных на выставке, большие полотна – «Скала Чертов палец», «Древний город», «Старая гавань», «Пирамиды», «Нефтяные промыслы» – были выставлены впервые [6, 79]. Посетители выставки познакомились с творчеством большого мастера исторического пейзажа, певца природы Крыма. Ряд картин был посвящен Феодосии, городу, в котором К.Ф.Богаевский родился и прожил почти всю жизнь.

Список литературы:

1. Барсамов Н.С. Богаевский. – М.: Государственное изд-во «Искусство», 1961. – 54с.: ил.
2. Башенко Р.Д. Константин Федорович Богаевский // Крым. Литературно-художественный альманах Крымского отделения Союза писателей Украины. – 1959. – №23. – С.81-89.
3. Башенко Р.Д. Константин Федорович Богаевский. Киммерия. Альбом. – М.: Советский художник, 1972. – 31с.
4. Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 253с.
5. Богаевский К.Ф. О композиции в пейзаже // Юный художник. – 1939. – №3. – С.11-15.
6. Выставка картин К.Ф.Богаевского // Искусство. – 1964. – 2. – С.79.
7. Грабарь И.Э. «Союз» и «Венок» // Весы. – 1908. – №1. – С.137-142.
8. Сиренко А.С. Киммерийская школа живописи. Константин Богаевский и Михаил Латри // Искусствознание. – 2012. – №3/4. – С.390-408.

References:

1. Barsamov N.S. Bogayevsky. – M.: State publishing house "Art", 1961. – 54 p.: Il.
2. Basenko R.D. Konstantin Fedorovich Bogayevsky // Crimea. Literary almanac of the Crimean branch of the Union of writers of Ukraine. – 1959. – No.23. – P.81-89.
3. Basenko R.D. Konstantin Fedorovich Bogayevsky. Cimmeria. Album. – Moscow: Soviet artist, 1972. – 31p.
4. Belikov P.F., Knyazeva V.P. Rerich. – M.: Young guard, 1973. – 253p.
5. Bogayevsky K.F. About composition in landscape // The Young artist. – 1939. – No.3. – P.11-15.
6. Exhibition of paintings by K.F.Bogayevsky // The Art. – 1964. – No.2. – P.79.
7. Grabar I.E. "Union" and "Wreath" // Scales. – 1908. – No.1. –P.137-142.
8. Sirenko A.S. Cimmerian school of painting. Konstantin Bogayevsky and Mikhail Iatri // The Art history. – 2012. – No.3/4. – P.390-408.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОРОДЕНСКИХ КНЯЗЕЙ.

Абуков С.Н.

TO QUESTION ABOUT THE ORIGIN OF GORODEN PRINCES.

Ключевые слова: Городен, Всеволодко, Мстислав Всеволодович, князь, происхождение, владение.

Key words: Goroden, Vsevolodko, Mstislav Vsevolodovich, prince, origin, possession.

Вопрос генеалогии городенских князей остается до сих пор открытым и одним из самых спорных в ранней генеалогии Рюриковичей. Речь идет о происхождении городенского князя Всеволодка. [1, стб. 631]. Поздняя Густынская летопись называет его «Давыдовичем» и «Черниговским» [2, с. 75]. В.Н. Татищев - Всеволодом Ольговичем и Всеволодом Давыдовичем, внуком Игоря [3, с. 132, 154]. С того времени последняя точка зрения на Всеволодка как сына Давыда Игоревича укоренилась в генеалогии [4, с. 106; 5, с. 202; 6, с. 177; 7, с. 331; 8, с. 100; 9, с. 683]. Но не так давно А.В. Назаренко привел аргументацию в пользу того, что Всеволодко – сын Ярослава Ярополковича Изяславича [10, с. 169-188]. Предпринимаются также попытки связать родоначальника городенских князей с полоцкими Всеславичами [11, с. 107-109]. Первая версия Густынской летописи не выдерживает критики и содержит очевидные генеалогические ошибки [12, с. 303]. В.Н. Татищев грубо путает городенских князей [13, S. 71-74]. Его генеалогические ошибки суммировал А.Г. Плахонин [12, с. 300-312]. Не видно никаких связей городенских князей с Полоцком.

Однако насколько в этой связи можно считать Всеволодка сыном Давыда Игоревича? Представляется, что историки недостаточно внимания уделили энергичному племяннику Давыда Игоревича Мстиславу. Он, как и Всеволодко, также все время упоминается без отчества и исключительно как «сыновец» Давыда и его вассал [1, стб. 284; 16, стб. 272, 277; 19, с. 23]. Не известное из летописей имя отца Мстислава восстанавливается как Всеволод [20, с. 155, 161-162; 21, с. 122]. Сомнительно, чтобы Мономах решил одарить безземельного зятя Всеволодка княжеством [10, с. 180] или выдать дочь, будучи киевским князем, за изгоя. А вот Мстислава, участника походов на половцев, историки считали владетельным князем на Волыни [18; 6, с. 498; 5, с. 203]. При этом «смоленская» версия В.Л. Янина вступает в неразрешимые противоречия с источниками и не может быть принята [21, с. 122; 22, с. 196-197]. Мстислав умер в 1116 г. (только Воскресенская летопись относит это событие к 1114 г.) [19, с. 23]. В Ипатьевской летописи тут

же сообщается о женитьбе Всеволодка [1, стб. 284]. Просматривается прямая связь между этими известиями. Летописец просто объединил в один год два важных события одной семейной линии.

В таком случае генеалогическая схема выглядит так: Игорь – Всеволод – Мстислав – Всеволодко – Борис, Глеб, Мстислав. Прямое родство Мстислава и Всеволодка устраняет целую серию противоречий. В первую очередь это касается брака между Всеволодком и дочерью Мономаха, приходящуюся на седьмую степень родства между мужем и женой. Эта гипотеза ономастически, хронологически и династически более логична. Таким образом, Всеволодко не «внук Игорев», а правнук, закрепившийся в Понеманье и ставший родоначальником Городенских князей.

Список литературы:

1. Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. 2-е издание / С предисл. Б.М. Клосса. – Т. 2. – М., 2001, – 648 с.
2. Полное собрание русских летописей. Густынская летопись. - Т. 40. – Спб., 2003. – 202 с.
3. *Татищев, В. Н.* История Российская. – Т.2. – М-Л., 1963. – 352 с.
4. *Карамзин, Н. М.* История государства Российского. – Т. II-III. – М, 1991. – 832 с.
5. *Рапов, О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. – М., 1977. – 264 с.
6. *Махновець, Л. Є.* Літопис руський. – К., 1989. – 590 с.
7. *Войтович, Л. В.* Княжа доба на Русі. Портрети еліти. – Біла Церква: Вид. О. Пшонківський, 2006. – 784 с.
8. *Грушевский, М. С.* Історія України-Русі. – Т.2. – К.: Наукова думка, 1992. – 640 с.
9. *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен. – Кн. 1. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.
10. *Назаренко, А. В.* Городенское княжество и городенские князья в XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева, 1998. – М., 2000. – С.169-188 .
11. *Гостев, А. П.* О возникновении удельного Городенского княжества и князьях городенских // Наш радавод. – Ч. 1. – Гродна, 1993. – С. 107-109, 164-167.
12. *Плахонин, А. Г.* «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. — М., 2004. – Вып. 4. – С. 321-330.
13. *Соловьев А. В.* Городенские князья и Деремела // *Russia mediaevalis*. Bd. 7, 1. 1992. S. 69-83.
14. *Плахонін, Андрій.* Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел (Ігор Ярославич та його нащадки) // Спеціальні історичні дисципліни. – К. 2001. – №6. – с. 136-151.

15. *Воронин, Н. Н.* Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг. – М., 1954. — 239 с.
16. Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. – Т. 1. – М., 2001. – 496 с.
17. Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Т. 9. – М. 2000. – 288 с.
18. *Войтович, Л. В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження [Електронний ресурс]. – Львів, 2000 р. / Режим доступа <http://litopys.org.ua/dynasty/dyn26.htm>., дата доступа: 18.05.2016
19. Полное собрание русских летописей. Летопись по Воскресенскому списку. – Т. 7. – М. 2001. – 360 с.
20. *Норов, А. С.* Путешествие игумена Даниила по святой земле, в начале XII в. / А. С. Норов. – Спб., 1864. – 444 с.
21. *Янин, В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». ТОДЛИРЛ, – Т. XVI. – М., 1960. – С. 112-131.
22. *Алексеев, Л. В.* Смоленская земля. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии . – М., 1980. – 260 с.

ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КИТАЙЦЕВ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

Донская Александра Евгеньевна

*канд.ист.наук, Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9*

Аннотация

В статье рассматривается модернизация под влиянием западной науки географических знаний и представлений в Китае в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: позднеимператорский Китай, географические представления

Одним из важнейших этапов восприятия китайцами достижений западной науки стал рубеж XIX – XX вв., и значимой составной частью этого процесса было усвоение географических знаний и представлений. Изменения в географических представлениях китайцев произошли под сильным влиянием западной науки, первоначальное знакомство с которой состоялось благодаря миссионерам-иезуитам. Модернизация знаний и представлений в данной области имела огромное значение для расширения кругозора, для развития китайского общества в целом.

В работах историков КНР затрагиваются различные стороны процесса знакомства и освоения новых знаний и представлений. Подробно исследу-

ется история переводов западных работ на китайский язык, публикации китайских работ по географии, появления в китайском языке новых географических терминов, создания учебных курсов и учебников по географии, формирования круга специалистов-географов. Рассматривается и политический аспект развития географических знаний (особенно интересны соображения о том, какую роль играл уровень географических знаний в ходе переговоров о границе, в частности в Илийском крае).

Рождение китайской географической науки (в современном понимании) ученые КНР относят к концу XIX – началу XX в. Именно на рубеже веков география выделилась в самостоятельную отрасль знания с собственными предметом, способами исследования и методологией; появились люди, профессионально занимавшиеся этой наукой. Если раньше в официальной классификации географические работы принадлежали к разделу истории, то к рубежу веков в каталогах стали выделять самостоятельные разделы по географии. В начале XX в. в рамках «новой политики» династии Цин были разработаны вузовские учебные программы по специальности «География Китая и мира», появились и первые учебники [6, с.336-343]. Согласно таблице, составленной Цзоу Чжэньхуанем, более половины современных специальных географических терминов впервые появились в китайском языке в первое десятилетие XX в. (из 138 приведенных в таблице: в XVII в. – 24, XVIII в. – 2, 1800-1861 гг. – 13, 1861-1899 гг. – 25, 1900-1911 гг. – 70, после 1911 г. – 4). Впрочем, и те термины, что появились раньше, в широкое употребление вошли также лишь на рубеже веков [6, с.253-265].

Историки КНР справедливо придают огромное значение изменениям в географических представлениях. Цзоу Чжэньхуань, например, выделяет в истории культуры Китая два крупных перелома в мышлении: период Чуньцю-Чжаньго (VIII – III вв. до н.э.) и конец XIX – начало XX вв. И оба, по его мнению, были тесно связаны с прорывами в географических представлениях. В первый из этих переломных периодов развитие торговли, усиление контактов между людьми, войны и миграции «расширили» мир древних китайцев. Тогда сложилось представление об упорядоченном мире, структурированном по образу иероглифа «колодец» (*цзин*), имеющем центр и периферию.

Развитие географии во второй, позднецинский, период, невозможно рассматривать в отрыве, с одной стороны, от процесса распространения западных научных знаний, с другой стороны, – от углублявшегося в то время национального кризиса. Эти три фактора действовали в тесной взаимосвязи: распространение западных знаний и осознание национального кризиса стимулировали резкие перемены в представлениях об окружающем мире, эти перемены, в свою очередь, способствовали развитию идей спасения страны, росту патриотического движения. Изменения в географических представлениях требовали перестройки всей традиционной мировоззренческой системы.

Прорыв в области географических знаний и представлений в Китае второй половины XIX – начала XX вв. по силе воздействия на общество, на культуру китайские историки сравнивают с эпохой «великих географических открытий» на Западе. Открытия, приходящие как изнутри, так и извне культурного комплекса, придают этому комплексу новое содержание. Открытие может быть как открытием материального объекта (например, материка), так и открытием новых идей, новых знаний. Именно открытие второго рода произошло в Китае. Оно стало мощным стимулом, активизировавшим интеллектуальную деятельность [6, с.139, 144].

Наиболее существенное влияние на мировоззрение китайцев оказали отказ от концепции «круглое Небо и квадратная Земля» в пользу представления о шарообразности Земли, признание факта вращения Земли вокруг Солнца и замена учения о «девяти областях» знанием о существовании пяти материков.

Традиционная модель китайского мира-социума (Поднебесной) была моноцентричной и ориентированной по сторонам света. Она подразумевала деление на «центр» и внешние территории, причем «точка зрения» всегда находилась в центре, что выражало «идею противопоставления срединного государства как упорядочивающего, организующего начала, источника культуры и, шире, цивилизации, варварской периферии» и указывало «на распространение мироустроительного воздействия из центра извне» [4, 136]. Эта модель достаточно рано нашла отражение в политических, идеологических конструкциях, что способствовало ее закреплению в системе знаний о мире. В рамках китайского традиционного комплекса представлений о мире непротиворечивым образом увязывались понятия о круглом небосводе и квадратной земле, о девяти областях, о пяти разрядах владений. В соответствии с этой структурой находились и система колодезных полей, и архитектура императорских дворцов и столиц (например, Алтарь Неба), и методы построения географических карт. Даже некоторые устойчивые выражения были построены на аналогии устройству неба и земли: о строении человека – «круглая голова и квадратные стопы» (обр. о роде человеческом), о характере – «круглый снаружи, угловатый внутри» (обр. о человеке, который с виду – рубаха-парень, а внутренне – «себе на уме»). Естественно, предполагалось, что Земля покоится, а Небо движется.

Как отмечают китайские авторы, знакомство с окружающим миром посредством использования сухопутных путей сообщения (главным из которых был Шелковый путь) не могло поколебать сформировавшихся представлений о форме Земли, о Китае как ее центре, окруженном варварской периферией. Путешествия по суше могли лишь несколько расширить географический кругозор, дать представление о том, что весь мир не ограничивается «девятью областями».

Знакомство китайцев с теорией шарообразности Земли относят к заслугам Маттео Риччи (1552-1610). Изложенное им учение Птолемея о неподвижной Земле, окруженной девятью сводами небес, было сравнительно

легко воспринято в Китае. Система Коперника проникла в Китай только в начале правления династии Цин, а при дворе императора Цяньлуна ее подробно излагал французский иезуит Мишель Бенуа (1715-1774). Первая реакция была в основном негативной. Так, крупный чиновник и ученый Цзюань Юань (1764-1849) утверждал: всякий, кто верит, что Земля вертится, восстает против конфуцианских канонов [1, с.126]. Еще большее отторжение вызывало представление о пяти материках, также принесенное миссионерами и шедшее вразрез с учением о «девяти областях». В течение долгого времени эти знания оставались не востребованными, почти забытыми, настоящий интерес к ним проявился только во второй половине XIX в.

Возрождение географии мира в качестве предмета географической науки произошло в основном благодаря работам Вэй Юаня (1794-1857) и Сюй Цзюя (1795-1873). Вэй Юань первым подробно изложил теорию Коперника на китайском языке, о шарообразности Земли и о существовании пяти континентов писал и Сюй Цзюй.

Легче всего восприятие новых знаний давалось китайцам, предпринявшим дальние путешествия за границу. Ли Шучан (1837-1897) во время пребывания в Англии даже посетил Гринвичскую обсерваторию, после чего отдельный раздел своего дневника посвятил изложению строения Солнечной системы.

Для многих представителей образованной элиты отказ от традиционного представления о квадратной земле оказался психологически непростым. Они пытались примирить новое знание, правильность которого становилась все более очевидной, со старыми привычными представлениями. Сравнительно легким способом принятия нового был поиск «подобного» в древних китайских текстах. Во второй половине XIX в. появилась точка зрения, что теории шарообразности Земли и ее вращения вокруг Солнца, хотя и достигли расцвета на Западе, появилась первоначально в Китае, подтверждение чему находили в некоторых фразах древних памятников. Некоторые высказывания, содержащиеся в ряде древних и средневековых китайских источников, действительно можно трактовать как указание на то, что земля круглая [2, с.85,88], но никто не пытался толковать их таким образом, и вплоть до приезда Маттео Риччи подобные взгляды не обсуждались. С 70-х гг. XIX в. усилился интерес к учению Цзоу Яня (336-280 гг. до н. э.) о «девяти областях», предпринимались попытки найти соответствие между этими областями и пятью континентами. Корни западной науки искали и в буддийских текстах. Так, Вэй Юань пытался провести параллели между пятью континентами и четырьмя материками буддизма.

По мнению современных исследователей КНР, примерно до середины 90-х гг. среди интеллектуальной элиты наиболее распространенными были две точки зрения: 1. западные идеи о шарообразности Земли и ее вращении вокруг Солнца берут начало в Китае, таким образом, источником западной науки является наука китайская; 2. эти идеи на Западе и в древнем Китае существовали независимо друг от друга, осознание их правильности было

естественным для любого человека, поэтому бессмысленно говорить о влиянии одних народов на другие в этом вопросе.

Несоответствие традиционных представлений об устройстве Земли и Неба современному западному знанию некоторые китайские ученые второй половины XIX в. «оправдывали» тем, что под «круглым», «квадратным», «покоем» и «движением» понимались «закон существования, *дао* Земли и Неба». Таким образом, дело было вовсе не в незнании, а в принципиальной разнице подходов.

К рубежу XIX – XX вв. факты существования пяти континентов, шарообразности Земли и ее вращения вокруг Солнца признавали уже и наиболее консервативные представители элиты [2, с.96]. Изменения в географических представлениях стимулировали коренные перемены в традиционной системе ценностей китайцев, оказали глубокое воздействие на китайское общество того и более позднего времени. Был поставлен под сомнение весь комплекс политических, идеологических построений, связанный с представлением о круглом Небе и квадратной Земле. Знание о том, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, требовало пересмотра оппозиций «верх-низ», «достойное-презираемое», «рай-ад» и т.п. Были поколеблены представления о самой структуре окружающего мира – Китае (Срединном государстве) как центре Поднебесной, на периферии которого располагаются варварские государства. Чжэн Гуаньин (1842-1921) и Ян Ду (1874-1931) писали о том, что китайцы с древности имели представление о мире, но не о государствах, т.к. в течение длительного времени вокруг них не было других сопоставимых по уровню развития политических образований и понятия «Поднебесная», «весь мир» и «Срединное государство» практически совпадали. Признание того, что Китай – одно из мировых государств на круглой Земле, не имеющей центра, означало революцию в мировоззрении. По работам китайских мыслителей Хуан Цзуньсяня (1848-1905), Лян Цичао (1873-1929), Ван Каньяня (1860-1911), Чжан Тайяня (1869-1936) можно проследить процесс постепенного переосмысления понятия «Поднебесная» и названия «Срединное государство» как оппозиции не китайскому окружению. Одновременно шла выработка терминов, обозначающих другие государства и иностранцев, отличающихся от привычного «варвары» (*и*) [6, с.297-298]

В работах современных историков КНР расширение и модернизация географических знаний рассматриваются не только в научном аспекте, но и с точки зрения их воздействия на психологию, мировоззрение, политическую и дипломатическую теорию и практику. Перемены в характере восприятия китайцами географической среды работали в направлении выработки новой системы ценностей, более отвечающей современному (на тот момент) состоянию мира и месту Китая в нем.

Список литературы:

1. Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552 – 1775 гг.). - М., 2000.
2. Го Шуанлинь. *Вань Цин дилисюэ яньцзю юй чуаньтун тянь ди гуаньянь ды бяньи* (Географические исследования конца правления династии Цин и изменения в традиционных представлениях о небе и земле) // Цин ши яньцзю, - 1999, - №14, с. 85-97.
3. Го Шуанлинь. *Си чао цзидан ся ды вань Цин дилисюэ* (Позднецинская география под волнами прилива с Запада). - Пекин, 2000.
4. Исаева М.В. Представления о мире и государстве в Китае в III – VI веках н.э. (по данным «нормативных историописаний»). - М., 2000, с.136.
5. Цзоу Чжэньхуань. *Цин мо дилисюэ гун тун ти ды синчэн юй цзиньдай Чжунго дилисюэ ды сюэшу чжуаньсин* (Формирование географического сообщества в конце правления династии Цин и изменения в географической науке в Китае нового времени) // Чжунхуа вэнь ши лунь цун, вып.58, - Шанхай, 1999.
6. Цзоу Чжэньхуань. *Вань Цин сифан дилисюэ цзай Чжунго - и 1815 чжи 1911 нянь сифан дилисюэ и чжу ды чуаньбо юй инсян вэй чжунсинь* (Западная географическая наука в Китае в конце правления династии Цин – на основе исследования распространения и влияния переводов географических трудов в 1815-1911 гг.). - Шанхай, 2000.

ФИЛОЛОГИЯ

ПРИМЕР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Потапова Наталья Михайловна

*Кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры английского языка, факультета ВМК МГУ им. М. В. Ломоносова
Россия, г. Москва*

FUNCTIONING OF NEOLIBERAL DISCOURSE

Potapova Natalia Mikhailovna

*Candidate degree of philology, head teacher of English of department,
СМС faculty, Lomonosov MSU, Russia Moscow*

Аннотация

На примере термина «*продвижение демократии*» (*democracy promotion*) рассматриваются особенности создания и функционирования неолиберального дискурса. Показано, что данный термин, наряду с другими является эвфемизмом, вследствие чего способен моделировать значение языковой единицы. Имеет место эвфемизация дискурса, искажающая языковую картину мира.

Abstract

On the example of the term "democracy promotion" some features of development and functioning of a neoliberal discourse are considered. It is shown that considered term, as well as many others is a euphemism capable of modeling semantic meaning of a language unit. The process of discourse euphemization takes place distorting a language picture of the world.

Ключевые слова:

Дискурс, эвфемизм, семантическое значение, термин.

Key words: Discourse, euphemism, semantic meaning, term.

Термин «дискурс» сегодня употребляется учёными в широком контексте. В языкознании он обозначает категорию речи, выраженную в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершённого в смысловом и структурном отношении. Эта категория речи, вписана в коммуникативную ситуацию, соотнесена с конкретными участниками речевого акта, а также с коммуникативным намерением говорящего каким-либо образом воздействовать на слушателя.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре даётся созвучное данному пониманию определение дискурса: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультур-

ными факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [1].

Таким образом, дискурс имеет тройственную природу: одна его сторона обращена к прагматике, к типовым ситуациям общения, это речь в социальном контексте, другая к участникам общения, третья — к собственно тексту. Благодаря своей тройственной природе дискурс помещает человека внутрь создаваемой им картины мира, заставляя приспосабливаться к ней и действовать по её законам. Так, в советское время преобладал определённый дискурс, опирающийся на идеологию, и в рамках созданной им картины мира продуцировались тексты, осуществлялась коммуникация. Затем перестройка всей государственной системы под влиянием либеральной идеологии повлекла и изменение преобладающего дискурса и всей языковой картины мира.

Предметом нашего внимания является неолиберальный дискурс, как широко распространённый сегодня в мировом коммуникационном пространстве и завоевавший прочные позиции в нашей стране. Основа его - совокупность тщательно разработанных авторитетных текстов, содержащих ключевые концепты, постулаты, идеологические установки, которые создавались и разрабатывались в течение многих десятилетий на Западе. Наблюдения показывают, что неолиберальный дискурс является конструктом узкой группы лиц, обслуживающей интересы крупного западного капитала.

Целью его формирования является обеспечение условий для беспрепятственного, свободного движения капитала по всему миру, по словам западного учёного: «Neoliberalism – a model that seeks to achieve the conditions for the total mobility of capital» [2].

Создаваемая данным дискурсом картина мира, учитывая временную, изменяемую природу дискурса и идеологическую составляющую, не может являться универсальной. Однако, благодаря усилиям упомянутой группы лиц, используя значительные материальные и интеллектуальные возможности, данный конструкт удалось превратить в мягкую силу, привлекательный товар и добиться внушительных успехов в его распространении во всём мире.

В этой связи представляет интерес рассмотреть некоторые языковые стратегии и механизмы формирования неолиберального дискурса для раскрытия его необъективного, предвзятого характера, что в свою очередь поможет обнаружить неоднозначность и даже ложность рисуемой им картины мира.

Как известно, корпус языковых материалов строится вокруг центральной идеи - концепта. Одним из таких концептов в последние десятилетия является словосочетание *democracy promotion*. Данное словосочетание, точнее термин, описывает основное направление внешней политики США (an

unquestioned assumption at the core of U.S. foreign policy) [3], и его рассмотрение может предоставить необходимый материал для анализа и продемонстрировать, как функционирует неолиберальный дискурс.

Проясним значение термина. Слово *democracy* в словарях определяется следующим образом: 1. government by the people; *especially*: rule of the majority; a system of government by the whole population or all the eligible members of a state, typically through elected representatives a system of government in which the citizens exercise power directly or elect representatives from among themselves to form a governing body, such as a parliament; 2. A state governed under a system democracy; 3. The practice or principles of social equality [4,5,6]

Согласно определению термин *демократия* обозначает «власть народа», политическую систему, при которой народ осуществляет законодательные и исполнительные функции власти через своих представителей, а также способ организации коллектива, при котором все члены коллектива принимают равное участие в существенных стадиях управления, и принцип социальной справедливости, и т.д.

Поскольку слово имеет несколько значений и первичное значение – *власть народа* – весьма абстрактно, более того, народ зачастую чувствует, что власть ему не принадлежит, существуют разные толкования и оттенки значения слова. Наряду с несколькими другими понятиями (искусство, наука, социальная справедливость) философ Галли (Gallie, 1956) относит слово *демократия* к принципиально спорным понятиям «an essentially contested concept» [7]. Этим часто пользуются авторы, превращая термин в эвфемизм для маскировки нежелательных практик.

В комбинации со словом *promotion* слово *democracy* использовано в своём первом значении «власть народа», политическая система.

Слово *promotion* является в словосочетании ключевым и имеет следующее значение «*Activity that supports or encourages a cause, venture, or aim*» [8] «Деятельность, которая поддерживает или вдохновляет дело, предприятие или цель». Следовательно, семантическое значение термина *democracy promotion* (*поддержка демократии*) – to support or encourage a democratic government (*поддерживать демократическое правительство*). Однако примеры употребления термина демонстрируют разнообразие его контекстуальных метасемиотических и семиотических значений.

Так, из предложения: «*Today, however, the United States no longer holds a monopoly on the business of democracy promotion*» [9] (*Сегодня у США уже нет монополии на дело поддержки демократии*) видно, что демократия – это дело, предприятие, бизнес (*business*) и, следовательно, оно «поддерживается» коммерческими средствами. К демократии применяются те же принципы, что и к рыночной экономике - сначала существует монополия на поддержку демократии, а затем появляется конкуренция. Известно, что существуют как государственные агентства, получающие финансирование из казны, так и частные фонды, поддерживаемые частными заинтересован-

ными лицами, нанимающие сотрудников для рутинной работы *продвижения демократии* в странах третьего мира: «The changing responses of my friends and neighbors to *my democracy promotion work* grew almost directly out of the Iraq War and President Bush's efforts to link it to *democracy promotion*» [9]. Обратим внимание на словосочетание «*my democracy promotion work*» в первой части предложения, из которого видно, что для говорящего *продвижение демократии* – это обычная работа, хотя и вызывающая вопросы у друзей и соседей. Вторая часть предложения не менее интересна, но обратимся к ней несколько позже.

Рассмотрим ещё один показательный пример: «However, understanding the programmatic side and probing the paradoxes that characterize the *implementation of democracy promotion* are both essential to a fuller grasp of *democracy promotion* and its challenges» [9]. В пер. автора: «Однако понимание программной части и исследование парадоксов, которые характеризуют внедрение продвижения демократии, важны для более полного постижения продвижения демократии и связанных с этим проблем». Словосочетания *implementation of democracy promotion* и *programmatic side* указывают на то, что *поддержка демократии* – это коммерческое предприятие, крупный проект, который предполагает составление программы (*programmatic side*), разработку стратегии, как например, «the 2013 “USAID Strategy on Democracy, Human Rights, and Governance,” и её внедрение (*implementation of democracy promotion*).

Как видим, подход к продвижению демократии коммерческий, и чтобы успешнее продавать саму идею требуется «привлекательная обёртка» - усилия учёных, интеллектуалов, консультантов: «they usually involve *some combination of training, guidance, advice, and written materials, and efforts to transfer expertise from the United States to the recipient country*» [9]. В переводе автора: «они обычно включают комбинацию обучения, руководства, рекомендаций, письменных материалов и усилий передать опыт США стране-получателю». Правительство не просто требует от учёных создания научных трудов на данную тему – обоснования необходимости экспансии и поддержки демократии, а шантажирует их: «Senator Tom Coburn (Republican-Oklahoma) succeeded in temporarily cutting off federal funds for research into any political science professor not pursuing a project that contributed either to US economic expansion or to national security (Mole, 2013). [10] В пер. автора «Сенатору Тому Кобурну удалось добиться временного прекращения федерального финансирования любых политических исследований, если они не ставили целью обосновать экономическую экспансию, или национальную безопасность США». Надо обратить внимание на то, что *экономическая экспансия и национальная безопасность* тоже не являются прямыми наименованиями, как и «*поддержка демократии*», а эвфемизмами, частично утратившими свой потенциал. Подобные программы тщательно разрабатываются, с применением творческого подхода: «Strategic insight of this kind in Washington, however, has not yet translated into a concretely different approach

to crafting democracy promotion programs» [11], где глагол *craft* означает: «to make something using special skills, especially with your hands, syn. fashion» (Oxford Advanced learner's dictionary). В переводе автора: «стратегическое понимание этого в Вашингтоне, однако, не привело к выработке иного подхода к *искусству создания программ поддержки демократии*». Ещё пример: «In elaborating policy of democracy promotion the US is not acting on behalf of US's elite...», глагол *elaborate* может иметь значения - *развивать, уточнять, конкретизировать, разрабатывать*.

Действительно, «творческий подход» необходим для того, чтобы заставить большинство населения в различных странах верить в необходимость *продвижения демократии* и хотеть установить такую *демократию* у себя в стране. Нужно очень стараться, чтобы люди не поняли, что продвигается не система социальной справедливости и свобода для их творчества, а укрепление социальной несправедливости и свободы для перемещения капиталов для получения большей прибыли малой группой лиц.

Мы видим, что демократию как идеологию и политическую систему превратили в *продукт* (appealing brand), который распространяется с помощью разнообразных творческих и интеллектуальных средств, а где таковых не достаточно, то и силой оружия, под маркой военной помощи (military aid). Вернёмся к предложению «The changing responses of my friends and neighbors to *my democracy promotion work* grew almost directly out of the Iraq War and President Bush's efforts to link it to *democracy promotion*» [9]. В переводе автора «Изменение отношения друзей и знакомых к *моей работе по продвижению демократии* были вызваны войной в Ираке, и старанием президента Буша связать её с *поддержкой демократии*». Военная интервенция, разорение страны, разжигание гражданской войны – всё это тоже *поддержка демократии*. Фальшивость наименования улавливают многие. Так, президент Ирана Хасан Рухани (Hassan Rouhani) называет действия США в регионе иными словами - *terrorism, occupation, military invasion*: "If we did not have the U.S. *military invasion* of Afghanistan and Iraq, and the U.S.'s unwarranted support for the inhumane actions of the Zionist regime against the oppressed nation of Palestine, today the terrorists would not have an excuse for the justification of their crimes," he said.[12] В пер.автора: "Если бы у нас не было американского военного вторжения в Афганистан и Ирак и американской неоправданной поддержки бесчеловечных действий сионистского режима против угнетенного народа Палестины, сегодня у террористов не было бы оправдания их преступлений", сказал он.

Итак, сам термин *democracy promotion* и сопутствующие ему наименования являются эвфемизмами. Такой вывод можно сделать на основе известных свойств эвфемизма – косвенности наименования (заменное слово, употреблённым вместо неудобного, грубого слова), и его способности модифицировать значения стигматичной единицы в сторону улучшения. В рассматриваемом случае сложно привести один антицедент (денотат) наименования - *democracy promotion*, так как понятие абстрактно и ёмко. Но совершенно

ясно, что употребление прямого наименования мероприятий, проводимых под маркой *democracy promotion*, будь то вмешательство во внутренние дела, интервенция, подмена ценностей и т.д. не допустимо, поэтому придуман эвфемизм.

Широкое распространение эвфемизмов в неолиберальном дискурсе способствует более эффективному достижению целей высказывания. Наблюдается *эвфемизация* дискурса – распространения эвфемизмов в речи, при этом последние приобретают знаковое значение и способны модифицировать смысл высказываний. Это сложный семантический и семиотический процесс, позволяющий манипулировать смыслом высказываний, наделять их особой знаковостью. Создаваемая при этом картина мира не универсальна – не подходит для использования всеми странами, ложна – искажает реальные события, факты и опасна, так как приводит к установлению и закреплению лицемерного эгоистического миропорядка.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. <https://books.google.ru/books?isbn=0826512844>
3. <https://muse.jhu.edu/book/45333>
4. [En.oxforddictionaries.com/definition/democracy](http://en.oxforddictionaries.com/definition/democracy)
5. www.merriam-webster.com/dictionary/democracy
6. en.wikipedia.org/wiki/Democracy
7. <https://www.jstor.org/stable/4544562>
8. <https://en.oxforddictionaries.com/definition/promotion>
9. <https://muse.jhu.edu/book/45333>
10. http://www.innovation.cc/discussion-papers/19_1_9_doughty_democracy-contested-concept.pdf.
11. <https://books.google.ru/books?id=q17MCQAAQBAJ&pg=PT77&lpg=PT77&dq>
12. <http://www.businessinsider.com/iran-to-bring-democracy-to-syria-yemen-2015-9>.

ВЫЯВЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПНОГО ОТНОШЕНИЯ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ К ЕГЭ (опыт лексико-семантического эксперимента)

Билан Тамара Александровна
учитель русского языка и литературы
высшей категории, МБОУ лицей № 3, г. Сургут
Дрига Екатерина Владимировна,
ученица 11 класса «В»,
МБОУ лицей № 3, г. Сургут

В статье представлены результаты лексико-семантического эксперимента, проведенного среди учащихся старших классов МБОУ лицей № 3 г. Сургута, по выявлению стереотипного отношения учащихся к ЕГЭ. Эмпирически выделены ключевые группы атрибутов.

Ключевые слова: стереотипный образ, лексико-семантический эксперимент, псевдотавтология, группы атрибутов.

Данное исследование носит междисциплинарный характер. Рассматриваемая тема может быть отнесена к социолингвистике – направлению филологической науки, изучающему связь между языком и обществом. Методы исследования, которыми оперирует социолингвистика – не всегда традиционны, они представляют собой синтез методов и приемов, применяемых в лингвистике и социологии. В данной работе ключевым для нас становится один из таких методов – лексико-семантический эксперимент, в основе которого лежит принцип трактовки стимула – псевдотавтологии, статистическая обработка полученных реакций.

Тема Единого государственного экзамена, заданная в формулировке псевдотавтологии, является для нас актуальной. Бесспорно, для любого старшеклассника и его учителя вопросы подготовки к экзамену, его структура – первичны. Именно ЕГЭ является ступенью – испытанием, определяющим траекторию будущего: выбора специальности, направления подготовки, вуза, профессии.

Целью нашего исследования было выявление стереотипного отношения учащихся к экзамену, формирование единого образа ЕГЭ посредством лексико-семантического эксперимента.

Наличие ассоциативных отношений между словами в языке выявляется в ходе психолингвистических экспериментов, когда испытуемым предлагается выписать слова, которые припоминаются им, приходят в голову в связи с предъявленным словом – стимулом. Получающиеся в результате таких экспериментов группы слов называют ассоциативными полями, состав которых у разных испытуемых обнаруживает значительную общности.

В связи с наличием у каждого человека помимо общекультурных еще и сугубо индивидуальных представлений, связанных с денотатом слова, в ассоциативное поле лексемы у конкретного носителя языка может попасть слово, семантическое отношение которого к слову – стимулу можно объяснить только на основе индивидуального жизненного опыта данного лица [3].

А.А. Леонтьев пишет, что ассоциативный эксперимент может служить ценным источником информации при попытках исследовать психологические эквиваленты семантических полей. Таким образом, ассоциативный эксперимент является значимым и интересным не только для психолога или психолингвиста, но и для «чистого» лингвиста, занимающегося семантикой [2; 9-10]. С помощью ассоциативного эксперимента возможно изучение различных фрагментов языкового сознания, стереотипных образов и отношений. Данные эксперимента позволяют раскрыть семантику слова, изучить существующие в сознании носителя языка семантические связи слов, представить стереотипный образ объекта или явления.

Стереотипное отношение учащихся к Единому государственному экзамену, его процедуре и содержанию может быть представлено набором вербальных реакций людей на некий предложенный стимул, выступающий причиной этих реакций. В нашем исследовании под социальным стереотипным образом мы будем понимать вербальную единицу, реализуемую в речевом сообщении и представляющую упрощенный, эмоционально окрашенный устойчивый образ.

Для выявления этого образа мы использовали элементы лексико-семантического эксперимента [1]. Респонденты имели возможность проявить свои представления посредством самостоятельного формулирования реакций на предложенный стимул, называемых нами характеристиками или атрибутами стереотипного отношения – образа. Мы использовали тест на свободную интерпретацию псевдотавтологии «ЕГЭ есть ЕГЭ». Респондентам предлагался стимул и задавался вопрос: «Если бы Вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-вашему, он имел в виду?». Каждому респонденту предлагалось дать свободную интерпретацию псевдотавтологии.

В анкетировании приняли участие 106 учащихся 10 – 11 классов Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения лицей № 3 города Сургута. Общая характеристика выборки представлена в *Таблицах 1, 2.*

Таблица 1

Характеристика выборки участников анкетирования по полу

Класс	Женский пол	Мужской пол	Всего
10-й класс	34 (32%)	18 (17 %)	52
11-й класс	35 (33 %)	19 (18 %)	54
ИТОГО:	69 (65 %)	37 (35 %)	

Таблица 2

Характеристика выборки участников анкетирования по возрасту

Возраст	Количество респондентов
15	7 (7 %)
16	49 (46%)
17	47 (44 %)
18	3 (3%)

Следует констатировать, что возрастные характеристики выборки распределены равномерно – в анкетировании приняли участие 52 учащихся 10 классов и 54 – 11 классов. Средний возраст респондентов составил 16,4 года. Среди общей выборки респондентов преобладают представители женского пола: в анкетировании приняли участие 69 девочек, что составляет 65 % опрошенных. Общее число представителей мужского пола – 37 (35 %).

Полученные в ходе исследования 106 реакций на предложенную псевдотавтологию признаны релевантными.

Количественный и частотный анализ результатов анкетирования школьников в ходе формирования стереотипного отношения к ЕГЭ представлен в *Таблице 3*.

Таблица 3

**Количественный и частотный анализ
результатов анкетирования школьников**

Количество повторений	Реакции
«9»	Единый государственный экзамен; неизбежность; обязательный экзамен;
«6»	Сложный экзамен;
«3»	безысходность; от ЕГЭ не уйти; сложно; фигня; экзамен от которого не уйдешь;
«2»	итоговое испытание; к чему готовился, то и делаешь; проверка знаний за годы обучения; ужасный экзамен; экзамен, который трудно сдать;
«1»	«лучшая» проверка знаний; абсурд; важная часть окончания школы; вход во взрослую жизнь; главный экзамен для ученика; готовься к сложностям; важный экзамен; готовься к сложностям; ЕГЭ неизбежен и ничего с этим не поделаешь; испорченные нервы; кака, какой еще ЕГЭ; конец; кошмар; мда...; мучение и страх; конец; не для девочек Winx; не знаю; не так легко; не щадит никого; необходимость; неприязнь; никуда не сбежать и нужно готовиться; нужно готовиться; обычный экзамен; обязанность без права на выбор; одинаково для всех; очень сложный и важный; полная безысходность и тлен; приснилось; про-

	блема от которой никуда не деться; самое сложное, но легкое испытание; самоубийство; сдавать значит сдавать; серьезное испытание для психики, нервной системы; слезы; сложность прохождения экзамена; со сложностями надо бороться; способ осуществить будущее; страдания, стресс, сурово; так оно и есть; только ЕГЭ, только ЕГЭ неизбежен; у ЕГЭ есть недостатки; ужас; бесполезный экзамен; худшее, что случилось с системой нашего образования; что за чушь несет; экзамен, который ни с чем не сравнить; я вас умоляю...
--	---

Из 106 полученных реакций, 54 реакции не имеют повторений. Самыми «частыми» стали реакции с нейтральным оценочным значением – «Единый государственный экзамен» и «Обязательный экзамен» – 9 раз. Столько же раз встречается реакция «неизбежность». Шесть человек, что составляет 5,5% опрошенных, дали реакцию «Сложный экзамен», которая, на наш взгляд, носит нейтральный характер. Распределение полученных реакций по трем группам: реакции с отрицательной семантикой, положительной семантикой и нейтральные реакции, представлено в *Таблице 4*.

Таблица 4

Распределение реакций

Группа реакций	с отрицательной семантикой	с положительной семантикой	нейтральные
количество	51	5	50
% от общего массива данных	48 %	4,7 %	47 %

Анализируя данные, представленные в *Таблице 4*, можно сделать вывод, что почти половина учащихся старших классов (51 реакция – 48 %) выражают отрицательное отношение к сдаче ЕГЭ, чуть меньше – 50 реакций, что составляет 47 % от общего массива данных, придерживаются нейтральной позиции, воспринимая экзамен как обязательное условие получения аттестата о среднем образовании, очередную ступень. И лишь 5 из полученных 106 реакций – 4,7 % – дают реакции с положительной семантикой.

Представленные в *Таблицах 3, 4* реакции, по сути, являются отражением стереотипного отношения учащихся к экзамену. Однако, такой подход в недостаточной мере отражает суть проблемы. Более того, в представленных реакциях респондентов на псевдотавтологию имеются такие, которые можно признать семантически близкими. Очевидно, что на лексическом уровне мы не наблюдаем того разнообразия реакций, точнее большого количества повторений (*Таблица 3*), которое можно было бы считать основанием для формирования и проявления стереотипного отношения учащихся к экзамену. В этой связи на следующем этапе нашего эксперимента мы со-

чли необходимым произвести анализ полученных реакций на семантическом уровне, что позволит, выделив обобщенную характеристику – свойство обобщенного атрибута, которое с привлечением законов здравого смысла строится на частных реакциях респондентов.

С целью более детального анализа полученных реакций, основываясь на определении понятия «лексико-семантическое поле», представленном нами в первой части нашего исследования, на семантическом уровне нами были выделены 6 групп атрибутов:

- 1-я группа** – атрибуты со значением «ерунда»;
- 2-я группа** – атрибуты со значением «законодательство»;
- 3-я группа** – атрибуты со значением «здоровье»;
- 4-я группа** – атрибуты со значением «неизбежность»;
- 5-я группа** – атрибуты со значением «проблема»;
- 6-я группа** – атрибуты с нейтральным значением.

Все реакции были определены нами в ту или иную группу атрибутов (Таблица 5). Приведенные обобщенные значения атрибутов являются отражением стереотипного отношения учащихся к ЕГЭ.

Таблица 5

Таблица распределения реакций по выделенным группам атрибутов

№	Название группы по значению атрибутов	Количество реакций	%
1	ерунда	5	4,7
2	законодательство	1	0,9
3	здоровье	3	2,8
4	неизбежность	41	39
5	проблема	36	34
6	атрибуты с нейтральным значением	20	19

Представленные в *Таблице 5* данные свидетельствуют о том, что в большинстве преобладают реакции со значением «неизбежность» – их процент от общего массива данных составил 39. На втором месте – 34 % – реакции со значением «проблема». Обращает на себя внимание вторая позиция в нашей таблице – группа атрибутов со значением «законодательство», в которую была определена одна зафиксированная реакция. Детальный анализ каждой представленной нами группы атрибутов будет дан в следующем параграфе.

Рассмотрим подробно каждую группу атрибутов. Самой многочисленной оказывается группа лексем со значением «неизбежность» – 41 реакция, что составляет 39 % от общего массива данных – это больше трети реакций. Безусловно, можно было предположить сложившуюся тенденцию: большинство учащихся старших классов четко осознают, что сдача Единого государственного экзамена для них обязательное условие если не для поступления в университет, то для получения аттестата о среднем образовании.

Корреляции внутри данной группы строятся, преимущественно, на принципах синонимии. В группу вошли синонимы полной или точной синонимии: *безысходность, неизбежно, от ЕГЭ никуда не уйдешь, обязателен для сдачи хотите вы этого или нет*; экспрессивно-стилистической синонимии: *от этого никуда не деться, никуда не сбежать, экзамен от которого никуда не скроешься, обязанность без права на выбор*. Необходимо отметить, что большинство из полученных реакций данной группы атрибутов имеют отрицательное значение для учащихся. Кроме того, более 70% реакций данной группы атрибутов получены от учащихся 11 классов, уже смирившихся с предстоящим испытанием. Как говорят сами респонденты: *никуда не сбежать и нужно готовиться*.

Вторая по количеству реакций группа атрибутов со значением «проблема». Общая совокупность – 34 % – 36 зафиксированных реакций. В отличие от первой описанной нами группы, большинство реакций – 27 (75%) – получены от учащихся 10 классов, для которых после пережитого ОГЭ, ЕГЭ кажется еще более сложным испытанием. *Не щадит никого, сурово, слезы, тлен, мучение и страх, не для девочек Winx* – реакции, основанные на эмоциональных составляющих. Отличительной особенностью данной группы атрибутов является то, что среди реакций со значением «проблема» имеются реакции с положительной семантикой: *очень сложный, но важный экзамен, со сложностями надо бороться* – реакция, предполагающая развитие волевых качеств характера, *проверка знаний за годы учебы*. Содержит данная группа и реакции нейтральные: *у ЕГЭ есть недостатки, нужно готовиться, трудный экзамен, важная часть окончания школы*.

В связи с наличием у каждого респондента помимо общекультурных еще и сугубо индивидуальных представлений, связанных с определением слова, в ассоциативное поле лексемы попали реакции, семантическое отношение которых к слову – стимулу «ЕГЭ» можно объяснить только на основе индивидуального жизненного опыта данного лица [5]. В ходе нашего эксперимента, например, на предъявленную псевдотавтологию – стимул «ЕГЭ есть ЕГЭ», была получена реакция «*не для девочек Winx*», отнесенная нами в семантическую группу «проблема». Интерпретировать реакцию можно только зная, что упомянутый персонаж – героиня – волшебница анимационного фильма.

19 % респондентов от общего числа опрошенных в качестве реакции на предложенную псевдотавтологию «ЕГЭ есть ЕГЭ» формулируют нейтральные оценочные суждения, которые в совокупности составляют третью по численности группу. В нее вошли эмоционально неокрашенные реакции, не несущие особой смысловой нагрузки: *ЕГЭ есть ЕГЭ, Единый государственный экзамен, итоговый экзамен, проверка знаний за годы учебы, так оно и есть, обязательный экзамен для поступления*. В рамках данного лексико-семантического поля преобладают реакции одиннадцатиклассников, которые воспринимают экзамен как данность и не выражают на этот счет ни отрицательных, ни положительных эмоций.

Четвертая по количеству реакций группа, или лексико-семантическое поле – атрибуты со значением «ерунда», количество полученных реакций – 5, что составляет чуть менее 5 % от общей совокупности респондентов. Представлена данная группа синонимичными коннотациями: *фигня, что за чушь несет*, а также ассоциативными личными интерпретациями участников анкетирования.

Чуть меньше – 2,8 % опрошенных заполнили своими реакциями пятую группу атрибутов, затронув в своих интерпретациях тему здоровья, которое, по их мнению, страдает в результате сдачи ЕГЭ: *стресс, серьезное испытание для психики, нервы*. В данной группе все реакции несут отрицательное значение.

В ходе анализа полученных в результате интерпретации псевдотавтологии «ЕГЭ есть ЕГЭ» реакций, нами была зафиксирована лишь одна реакция, отнесенная нами в группу «законодательство»: *худшее, что случилось с системой нашего образования*. Данная реакция семантически отличается от других, распределенных по ранее упомянутым группам атрибутов.

Подробный анализ семантики характеристик-атрибутов, приписываемых категории «ЕГЭ» при формировании стереотипного отношения учащихся к ЕГЭ позволил сконструировать их социальные стереотипные образы и прийти к ряду суждений:

1. **Ядро образов составляют** следующие группы атрибутов: неизбежность, проблема. Их доля в общем образе составляет 73 %. За ними следует группа атрибутов с нейтральным значением – 19 %. Периферия включает группы: ерунда, здоровье. Принимая во внимание представленные данные, есть основание признать характеристики-атрибуты первых двух групп доминантными в стереотипном отношении учащихся к Единому государственному экзамену.

2. Среди полученных реакций преобладают **реакции с отрицательной семантикой** – 48 %. Нейтральных реакций – 47 %. Положительные ассоциации – реакции на псевдотавтологию «ЕГЭ есть ЕГЭ» возникают только у 4,7 % от общего количества респондентов.

3. Следует отметить, что **реакции школьников** отличаются особой **сдержанностью, эмоциональной скупостью**. Стилистически окрашенных реакций, содержащих эпитеты, сравнения, метафоры почти не зафиксировано.

Список литературы

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
2. Леонтьев, А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во Московского университета, 1977. – С. 5–16.
3. Словарь ассоциативных норм русского языка/под редакцией А.А. Леонтьева. М., 1989

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС»

Дрига Светлана Сергеевна
к.филол.н., доцент кафедры

Лингвистического образования и межкультурной коммуникации
Сургутского государственного педагогического университета,
г. Сургут

В статье рассматриваются спорные вопросы категории социального дейксиса: отсутствие единой классификации видов дейксиса, содержание понятия «дейксис», вопрос о соотношении дейксиса и анафоры, вопрос о разграничении таких понятий как дейктичность и ситуативность.

Ключевые слова: дейксис, социальный дейксис, анафора, катафора, дейктичность, ситуативность.

В лингвистике наблюдается различное толкование понятия «дейксис». В нашей статье мы будем придерживаться следующего: *«By Deixis is meant the location & identification of persons, objects, events, processes, activities being talked about, or referred to, in relation to the spatiotemporal context created & sustained by the act of utterance & the participation in it, typically, of a single speaker & at least one addressee – Под дейксисом понимается локация и идентификация лиц, предметов, событий, процессов и действий, о которых говорят или к которым отсылают, относительно пространственно-временного контекста, создаваемого и поддерживаемого актом высказывания и участием в нем, как правило, одного говорящего и по крайней мере одного адресата (перевод Дрига С.С.)»* [18, с. 637].

Несмотря на то, что дейксис привлекал внимание многих исследователей на протяжении последних лет [12; 1; 17], целый ряд вопросов, связанных с дейксисом, не нашел достаточно ясного освещения. Основная проблема – **отсутствие единой классификации видов дейксиса.**

Так, К. Бюлер различает три типа дейксиса: 1)видимый дейксис (*demonstrativo ad oculus*); 2)контекстуальный дейксис (анафорический); 3)дейксис представления (*deixis am phantasma*) [2, с. 75].

Для К.Бругманна [11] дейксис был морфологической категорией, охватывающей определенный класс слов. В индоевропейских языках К. Бругманн выделяет четыре типа указания, (зависящих от ориентации с точки зрения говорящего), которым он присваивает условные термины по немецким местоимениям – характерным представителям данного типа указания: 1) *Der-Deixis* – «нейтральный тип»; 2) *Ich-Deixis* – «указание на сферу говорящего»; 3) *Du-Deixis* – «указание на сферу собеседника»; 4) *Jener-Deixis* – «указание на удаленность от говорящего». Специфику указательных слов К. Бругманн усматривает в том, что они представляют собой как бы звуковое

указание вместо указания пальцем, то есть выступают как слышимые жесты. Классификации К.Бругманна и К. Бюлера различны в своей основе. К. Бругманн выделяет два личных и два указательных дейксиса, руководствуясь морфологическим принципом. К. Бюлер основывает свою схему на функционировании единиц в речи.

Р. Лакофф [15] различает следующую дейктическую трихотомию. Она выделяет: 1) темпорально-локальный дейксис; 2) дейксис дискурса и 3) эмоциональный дейксис. Первые два типа дейксиса, выделяемые Р. Лакофф, перекликаются с тремя типами, предлагаемыми К. Бюлером. Эмоциональный дейксис представляет нечто новое. Р. Лакофф считает, что эмоциональный дейксис возникает тогда, когда под влиянием эмоций говорящий не соблюдает основных закономерностей функционирования дейктических единиц.

И.А.Стернин [6, с. 35] выделяет, помимо традиционных, еще один тип дейктических слов – слова непосредственного указания, к которым он относит указательные местоимения.

Ч. Филлмор [13: 70] различает личный, пространственный, временной, социальный и дискурсионный виды дейксиса. Первые три традиционны, последние два выделены впервые. Дискурсионный дейксис определяется им как дейксис, связанный с выбором лексических и грамматических элементов, которые указывают на аспекты данного дискурса. В отличие от других лингвистов, Ч. Филлмор не связывает дискурсионный дейксис исключительно с текстом. По его мнению, в языке имеются средства, выражающие дискурсионный дейксис, среди которых различаются средства для устного и письменного вариантов языка. Социальный дейксис связывается Ч. Филлмором с таким аспектом высказывания, который отражает некоторые реальности социальной ситуации.

Иначе решает вопрос об основных аспектах дейксиса Г.Рай [19, с. 26]. Она предлагает свою оригинальную типологию употребления языковых выражений: 1) экстралингвистический дейксис; 2) отношение к вымыслу; 3) конструктивная фантазия; 4) текстовый дейксис; 5) аналогический дейксис; 6) неэгоцентричный дейксис; 7) анафора.

Таким образом, как следует из приведенных данных, дейксис рассматривается с самых разных сторон как сугубо лингвистически – на морфологическом уровне, так и экстралингвистически.

Социальный дейксис выделяется лингвистами в дополнение к традиционному – дейксису лица, времени, места. Социальный дейксис касается «тех аспектов предложений, которые отражают или обусловлены какими-то реальностями социальной ситуации, где совершается речевой акт» [12, с. 76]. Отнюдь не все признают дейктическую отмеченность социальных параметров коммуникации, ряд ученых утверждают, что социальный дейксис является производным от персонального дейксиса [7, с. 12], но большинство специалистов сошлись во мнении, что как минимум отношения говорящего и адресата, говорящего и референта индексируются в речи, символически

обозначая степени социальной дистанции между говорящим и адресатом или говорящим и теми, о ком идет речь [14, с. 12; 4; 5].

Социальный дейксис связан с кодированием социальных различий между участниками, в первую очередь отношений между говорящим и адресатом. Во многих языках тонкая градация отношений кодируется через морфологическую систему, но эти различия могут также выражаться через выбор местоимений, форм обращения [16, с. 63]. Именно обращения играют важную социально-дейктическую роль.

В элементах, связанных с социальным дейксисом, может кодироваться разнообразная информация, способствующая идентификации говорящего и адресата, в том числе пол референта, его социальный статус, личные и социальные отношения между референтами (в первую очередь между говорящим и адресатом, реже – между говорящим и третьим лицом, о котором говорящий нечто сообщает).

Кроме относительной социально-дейктической информации об уровне социальной дистанции по четырем осям: к референту, адресату, слушателям, а также к обстановке в дискурсе есть абсолютная информация социально-дейктического свойства, например, символизирующая социальные роли коммуникантов [5, с. 215]. К языковым элементам, выражающим эту информацию, относятся, прежде всего, местоимения первого и второго лица (независимо от функции, которую они выполняют в предложении), в том числе и посессивные местоимения. Дейктическая функция элементов, связанных с первым и вторым лицом, не зависит также и от того, в каком конкретном месте высказывания этот элемент локализован, то есть, является ли он, скажем, автономным словом, клитикой, или же словоизменительным аффиксом; так, функция глагольных флексий в языках типа русского является, несомненно, дейктической. Что касается местоимений третьего лица, традиционно объединяемых с местоимениями первого и второго лица, то для них более характерна анафорическая, чем собственно дейктическая функция.

Личные местоимения нередко различаются по количеству и характеру дополнительной информации, инкорпорированной в их значении. Так отмечается тенденция выражать явным образом семантическое противопоставление мужской / женский пол в местоимениях третьего лица, но оставлять его невыраженным в местоимениях первого и второго лица. Эта тенденция представляется естественной ввиду уникальности и очевидности референтов этих, последних в канонической коммуникативной ситуации, хотя для некоторых неканонических ситуаций подобная неспецифированность может оказаться чреватой соответствующей интерпретативной неопределенностью.

В русском языке имеет место зависимость между полом участников коммуникации и родом синтагматически связанных с соответствующими местоимениями адъективных, а также некоторых глагольных форм мне (тебе) одному – мне (тебе) одной. В подобных случаях грамматический род

атрибутов перестает быть чисто согласовательной категорией, как в случае сочетания с местоимениями третьего лица или с существительными, и приобретает самостоятельную семантическую функцию.

Впрочем, более точно следовало бы говорить не о семантической, а о прагматической предопределенности выбора родовой формы, связанного с местоимением слова, т.е. о зависимости рода не от пола участников коммуникации, а от того, «какой пол приписывается ими самим себе в данной ситуации» [18, с. 577].

Особые правила согласования действуют при персонификации, когда в роли «говорящего» или «адресата» выступают неодушевленные (и, следовательно, «асексуальные») участники; в этом случае дейктический термин – местоимение первого и второго лица – приобретает грамматический род номинативного термина, т.е. кореферентного существительного.

Другой тип информации, инкорпорированной в значение личных местоимений, – информация о социальном статусе референтов. Такая информация включена, прежде всего, в значение местоимений, указывающих на непосредственных участников общения, в первую очередь в значении местоимений второго лица, которые во многих языках оказываются наиболее дифференцированными по соответствующей категории (традиционно называемой «категорией вежливости»).

Многие единицы, называемые дейктическими, могут функционировать как в дейктической, так и в недейктической функции. Дейктическое значение у них возникает только в контексте. Дейктическое и недейктическое значения единиц зависят от того, выражают ли они постоянно присущие свойства объектов или передают «шифтерные» категории, определяемые с точки зрения позиции говорящего.

К числу нерешенных проблем относится также вопрос о том, что включает в себя понятие дейксиса. Если рассматривать дейксис в традиционном плане, то к нему относятся только определенные разряды местоимений. Однако, поскольку наше представление о понятии дейксиса расширено, кроме местоимений, мы, вслед за лингвистами, относим к дейксису ряд дейктических средств других частей речи. В.И.Шматова [8, с.18], например, усматривает дейксис в системе глагола.

Э.Бенвенист [1, с. 289] подчеркивает, что глагольная форма находится во взаимообуславливающем отношении с актом индивидуальной речи, так как она постоянно и обязательно актуализируется в определенном акте речи и зависит от этого акта. Глагол не может иметь никакой виртуальной и объективной формы. Все элементы глагольной парадигмы – вид, время, лицо и т.д. – вытекают из актуализации высказывания и из его зависимости от единовременного акта речи.

Разновидность дейксиса наблюдается у такой грамматической категории, как род, где сфера указания ограничена системой самого языка и соотносится с формальной структурой предложения.

Дж. Лайонз [18, с. 296] относит к дейктическим категорию вежливости (указание на социальный статус участников речевого акта).

В какой бы сфере языка ни рассматривался дейксис, лингвисты выделяют его с точки зрения функционирования того или иного грамматического или лексического элемента, очевидно, что дейксис – явление функциональное. Следовательно, в основе выделения категории дейксиса лежит функциональный признак – указание. Указательная функция предполагает выделение предмета и обобщение его при наличии определенного контекста.

Все указательные средства в языке принято делить на две большие группы: дейксис и анафору. ***Вопрос о соотношении дейксиса и анафоры является спорным в современном языкознании.*** Он связан не только с выяснением первичности источника референции, но и, прежде всего, с тем, что оба данных вида указания в большинстве случаев могут выражаться одними и теми же языковыми средствами. Более того, часто указание может быть одновременно дейктическим и анафорическим, а также, анафорическим и катафорическим.

Ряд ученых полностью разграничивают эти понятия, считая, что дейксис – это указание на элементы ситуации речевого акта, а анафора – указание на элементы контекста. В случае, когда дейксис ориентирован на внеязыковую действительность, отражаемую в содержании высказывания, когда он соотнесен с содержательной структурой высказывания, то есть реализуется в «вещественном поле указания» [2, с. 82], он представляет собой собственно дейксис. Его называют также «парадигматический дейксис» или «внешний дейксис». Кроме того, дейксис может быть ориентирован на внутреннюю организацию текста, т.е. реализуется в «контекстуальном поле указания», обеспечивая семантическую связность дискурса; этот вид, в отличие от собственно дейксиса, называют «анафорой», или «синтагматическим дейксисом», или «внутренним дейксисом» [3, с. 128].

В случае «внутреннего дейксиса», в отличие от «внешнего», дейктические элементы употребляются для указания на близость / дальность предметов по отношению к лицам, которым дается описание в тексте, но без учета их соотнесенности с автором текста и читателем.

Р.Д.Брехт [10, с. 492] выделяет эндофорический и экзофорический виды дейксиса в зависимости от того, находится центр ориентации внутри высказывания или же вне его. Он считает их различие решающим при рассмотрении дейксиса в связных высказываниях, так как в них, в отличие от самостоятельных высказываний, центр ориентации может быть не только вне, то есть в экстралингвистической ситуации, но и внутри самого высказывания или дискурса. Сходную классификацию в отношении референции приводят в своей работе М.Хэллидей и Р.Хасан. Они выделяют ситуативную референцию, или экзофору, и текстуальную референцию, или эндофору, в которой различают указание назад (анафору) и указание вперед (катафору).

Обобщая сказанное, мы приходим к выводу, что дейксис включает в себя два типа указания: ситуативное – экзофору и текстовое – эндофору; последний тип распадается на два вида: указание на предыдущий текст (анафору) и указание на последующий текст (катафору).

Другой нерешенной проблемой является *вопрос о разграничении таких понятий как дейктичность и ситуативность*. Постоянное обогащение и расширение понятия дейксиса в языке привело к тому, что зачастую под словом «дейксис» понимают различные языковые явления, которые не всегда обоснованно подводятся под одно общее понятие. Некоторые лингвисты указывают на необходимость различения собственно дейксиса, принадлежащего грамматике, и более широкого понятия ситуативности, противопоставленного внеситуативности, которые определяют прагматические аспекты языка и являются межуровневыми средствами. В связи с этим нельзя смешивать дейксис с контекстуальной обусловленностью или субъектностью (в смысле зависимости от говорящего). Ситуативность есть «структурное свойство языка – как взаимодействия, тогда как дейктичность образует структурное поле языка – как системы. Употребление дейктических элементов является частью языковой ситуативности, но ситуативность языка не зависит от употребления дейктических элементов» [9, с. 261].

Данная точка зрения почти диаметрально противоположна взглядам Дж.Лайонза [18, с. 109] на роль дейктических средств, который подчеркивает, что «большая часть информации, передаваемой или сообщаемой в повседневном языковом общении, скорее имплицитруется, чем утверждается, а то, что имплицитруется, ... часто решающим образом зависит от дейктических признаков высказывания».

Ч. Филлмор относит и собственно дейксис и ситуативность к области дейксиса. Он пишет: «О дейксисе в естественном языке можно говорить в терминах способа, которым социо-пространственно-временная привязка коммуникативного акта мотивирует форму или дает материал для интерпретации высказывания, в котором проявляется этот акт, и в терминах грамматической и лексической системы языка, которые служат для сигнализации или отражения такой привязки» [13, с. 31].

Подводя итог рассмотрению основных проблем, связанных с дейксисом в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, мы можем сделать вывод о том, что несмотря на то, что дейксис привлекал внимание многих исследователей на протяжении последних лет, целый ряд вопросов, связанных с дейксисом, до сих пор не нашел достаточно ясного освещения.

Список литературы:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. Прогресс, 1974. – С.292 -300.
2. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. – М., 1993.
3. Виноградов В.А. Дейксис.// Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С.128.
4. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания РАН; ВГПУ, 1992. – 370 с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.:ИТДГК «Гнозис»,2003.-280 с.
6. Стернин И.А. К проблеме дейктических функций слова: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 1973. - 200 с.
7. Шамова Г.А. К типологии функционирования дейктических средств: Дис. ...канд. филол. наук. – Пермь, 1992. – 211 с.
8. Шматова В.И. Дейксис в семантике английских глаголов движения // Проблемы семантического синтаксиса/ Отв. ред. Н.Ф.Иртеньева. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского ин-та, 1975. – 156 с.
9. Auer P. On deixis and displacement// Folia Linguistica XII -Berlin: Mouton de Gruyter, 1988 – P. 192 – 261.
10. Brecht R.D. Deixis in embedded structures// Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. – Vol. 11. – Dodrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1974. – № 4. – P. 489-518.
11. Brugmann K. Die Demonstrative Pronomina der indogermanischen Sprachen. – Leipzig: Gruyter, 1904. - 144 с.
12. Fillmore C. J. Santa Cruz Lectures on Deixis. – Bloomington, 1975.
13. Fillmore Ch. J. Towards a descriptive framework for spatial deixis // Speech, Place and Action: Studies in Deixis and Related Topics / Jarvella R., Klein W. – Chichester, New York, Singapore: John Wiley & Sons, 1982. – P. 31-79.
14. Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. – London; New York, 1992.
15. Lakoff R. T. Remarks on this and that// Berkeley studies in syntax and semantics. – L.: The MIT Press, 1974. – P. 345-356.
16. Levinson S.C. Pragmatics. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – P. 85 – 160.
17. Lyons J. Deixis and the cause of reference// Formal semantics of natural language. / E.L. Keenan (ed.). – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1975. – P. 28-37.
18. Lyons J. Semantics. – Cambridge, New York, 1977.
19. Rauch G. Aspects of Deixis// Essays on Deixis/ G. Rauch (ed.). – Tubingen: Narr, 1983/ – P. 9 – 60.

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ОДЕЖДЫ В БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРАХ*

Алейник Александр Сергеевич

*студент Белгородского государственного
национального исследовательского университета*

Медведева Алена Игоревна

*студент Белгородского государственного
национального исследовательского университета*

Аннотация

Целью данной работы является анализ наименований предметов одежды в белгородских говорах в отношении к литературному языку и диалектной микросистеме, что позволяет выявить генетические и функциональные особенности данной лексики.

Ключевые слова: диалект, диалектизм, лексико-семантическая группа, тематическая группа, украинизм, этимология.

Abstract

The aim of this work is the analysis of names of garments at Belgorod dialects in relation to the literary language and the dialect's microsystem that allows to reveal the genetic and functional features of the given words.

Keywords: dialect dialecticism, lexical-semantic group, thematic group, ukrainism, etymology.

В последние годы исследователи-диалектологи особенно активно проявляют интерес к лексике, связанной с материальной и духовной культурой человека, рассматривая диалектную единицу не только как лексическую, но и как этнографическую и культурологическую.

По мнению Л.А. Власовой, «диалектные слова несут в себе отражение картины ценностного восприятия мира носителями языка. Бесценный клад драгоценных слов, каждое из которых – отпечаток русского духа, постепенно иссякает, и задача современных исследователей народных говоров – успеть обнаружить и бережно сохранить эти богатства для будущих поколений» [1, с. 3].

В частности, говоры Белгородчины отражают территориальное взаимодействие между различными этническими группами и демонстрируют архаичные черты на различных языковых уровнях.

Объектом нашего исследования является система лексических единиц, обозначающих предметы одежды в белгородских говорах, а предметом –

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №16-14-31002 «Диалектизмы и регионализм в речи жителей Белгородчины к. XX-нач. XXI вв.». Региональный конкурс «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее – 2017», Белгородская область).

лингвокультурологические особенности слов, составляющих данную лексическую группу.

На сегодняшний день большое количество архаичных наименований одежды сохранилось только в речи носителей диалектов старшего поколения. Значимость данной лексики заключается в том, что она предоставляет возможность погружения в историю русского языка и культуры.

Данная лексика рассматривается нами в семантическом и этимологическом аспекте, а также в контексте историко-культурного описания Белгородчины.

Цель исследования – лингвокультурологический анализ тематической группы «Наименования предметов одежды» в говорах Белгородской области.

Поставленная цель предполагает решение ряда задач:

1. выявить состав наименований одежды в белгородских говорах;
2. сопоставить диалектизмы исследуемой тематической группы со словами других диалектных систем и литературного языка (по данным словарей);
3. классифицировать наименования предметов одежды в соответствии с гендерным признаком;
4. охарактеризовать региональные особенности данной группы лексики.

Источником для написания работы послужили материалы диалектной картотеки кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ БелГУ).

Отметим, что в тематической группе «Наименования предметов одежды» выделяются частные лексико-семантические группы (ЛСГ), противопоставленные по предметным характеристикам: головной убор, верхняя одежда, обувь.

В нашем небольшом исследовании мы дифференцируем названия одежды, включая головные уборы, и обуви и рассматриваем их как отдельные подгруппы.

1. Наименования предметов одежды, входящих в мужской или женский костюм.

Жуп'ан – ‘вид одежды’ (Борисовский район), заимствовано из ит. *giurpone*, *giubbone* ‘мужской кафтан из грубой ткани; крестьянский кафтан; фуфайка’ [18, с. 66]. Известное значение данного слова ‘теплая верхняя одежда на Украине’ [17, с. 329]. В говорах употребляется в значении ‘мужской и женский кафтан, надеваемый в ненастное время’ [7, с. 226].

Зап'аска – ‘фартук’ (Ровеньской район). В русских говорах слово имеет 2 значения: 1. Женский передник, фартук. Малоарх. Орл., 1852. Орл., Обоян. Курск. 2. Два полотнища различных цветов, по большей части полосатые, прикрепленные поясом одно спереди, другое сзади, употребляемые вместо юбки. Тул., Южн., Кубан., 1902. [3, с. 305]. В белгородских говорах данное

слово, имеющее, вероятно, общеславянское происхождение, ср. польск. *zapaska* [18, с.78], зафиксировано в одном значении.

Зипу́н – ‘зимняя одежда’ (Красненский район). Заимствовано через нов.-греч. ζιπόβι ‘кофта, куртка’ или прямо из венец. *zipón* = ит. *giubbone*. По фонетическим особенностям, тур. *zybun* ‘куртка с короткими рукавами’ [18, с. 98]. В словаре В.И. Даля зафиксировано как ‘русский кафтан без козыря (стоячего ворота)’ [17, с. 369]. В говорах употребляется в следующем значении: 1. Верхняя одежда на меху или из меха. Красносл. Пенз., 1928. Дон. 2. Плохая, рваная одежда. Вытегор. Олон., 1896. Волог., Влад., Дон [8, с. 284]. Белгородским говорам известно одно значение.

Капелю́х – ‘кепка’ или ‘шапка-ушанка’ (Шебекинский район). Лексема пришла из польск. *kapelusz* [18, с.184], вероятно, через посредство украинского. В диалектной среде имеет следующую семантику: 1. Шапка с наушниками Ворон., 1852. 2. Шляпа Зап-Брян. 1957. 3. О некрасивом на вид головном уборе [9, с. 51]. В говорах Белгородчины слово закрепилось, как видим, в двух значениях, одно из которых отсутствует в известных словарях.

Карту́з – ‘фуражка’ (Ровеньской район). Распространенное значение лексемы – ‘фуражка с козырьком’ [17, с. 413]. Слово заимствовано через посредство польского, где имеется слово *kartusz*, из франц. *cartouche* от ит. *Cartoccio* [18, с. 204]. В диалектах фиксируются производные слова: **картузик** ‘шляпка’ и **картузок** ‘маленькая фуражка’, также лексема употребляется в следующих значениях: 1. Колпак, широкополая круглая войлочная шляпа с остроконечным верхом. Гребен. Терек., 1902. 2. Бумажная сумка. Пек., Осташк. Твер., 1855. 3. Пачка (табака). Нашел картуз табаку, курим, значит. Вят., 1907. [9, с. 106]. Говорам белгородской области известно одно значение слова – ‘фуражка’.

Костю́м – ‘пиджа́к’ (Новооскольский район). В словаре Даля слово имеет значение: ‘одежда, одеянье, платье; отличительная одежда, театральная, маскарадная и пр.’ [17, с.465]. Лексема пришла в русский от франц. *costume* из ит. *costume*, лат. *consuetudine(m)* [18, с. 349]. Слово входит в состав общенародного словаря, но в белгородских говорах оно употребляется в значении ‘пиджак’ – как семантический диалектизм.

Кафтáн – ‘мужская долгополая одежда’ (Новооскольский район). Слово заимствовано из тур., азерб., крым.-тат. *kaftan* [18, с. 212]. Общепринятое значение: ‘верхнее, долгополое мужское платье разного покроя’ [17, с. 416]. В говорах употребляется как: 1. Женская верхняя короткополая накидка из домотканого коричневого слепа. 2. Безрукавка. 3. Пиджак из сукна, наподобие сюртука, но без разреза сзади. 4. Верхняя шерстяная одежда, которую надевают в холод, непогоду на пальто, как тулуп. Ленингр., 1956. 5. Ряса. *Поп в кафтане*. Дон., 1929 [9, с. 193]. В белгородских говорах слово, как видим, фиксируется в одном значении.

Кóхта – ‘кофта’ (Новооскольский район). Заимствовано из нем. *kuft*. Семантика данной лексемы многозначна: ‘женская куртка разного покроя; шугай, телогрея и пр.’ [17, с. 466]. В говорах имеется также диалектизм

кофта ‘кофта’ [4, с. 119]. В белгородских говорах слово употребляется с характерной фонетической особенностью данных говоров: отсутствующая в диалектах Белгородчины фонема Ф заменяется звуком Х (в положении перед согласным).

Кухвáйка – ‘фуфайка’ (Красненский район, с. Ураково, 2005 г.); **фуфáйка** ‘телогрейка’ (Красненский район). Предположительно слово пришло из исп., порт. *fofo* ‘надутый’ [20, с.212]. Известное значение лексемы – ‘короткая, теплая поддевка, байковая, вязаная шерстяная либо стеганая и пр.’ [17, с. 825]. В говорах Белогорья отмечается фонетическая особенность в произношении данного слова, отражающая факт отсутствия фонем Ф, Ф', в результате чего здесь происходит регулярная замена Ф на ХВ (в положении перед гласным), а в силу двойной замены: ХВУХВАЙКА – в данной лексеме происходит диссимиляция с заменой первого сочетания ХВ на К: кухвайка, что способствует упрощению произношения слова.

Лифчик – ‘жилетка’ (Красненский район). Слово заимствовано из польск. *lifk*, *liwk* [18, с. 504]. Данная лексема в словаре В.И. Даля не фиксируется. По данным СРНГ, в диалектах имеются следующие значения слова: 1. Шерстяная безрукавка. Лифчик как фуфайка, только без рукавов. Кедабек. Азерб. ССР, 1963. 2. Верхняя часть рубашки. Кумен. Киров., 1950. 3. Нижняя кофта. Бурят. АССР, 1970. [11, с.75]. В белгородских говорах слово имеет одно диалектное значение в добавление к известному общенародному значению слова.

Малахáй – ‘шапка-ушанка’ (Шебекинский район). Известное значение слова – ‘большая, ушастая (или с лопастями) шапка на меху’ [17, с.552]. Заимствовано из монг. *malagai* ‘шапка’ [18, с. 562]. В говорах слово употребляется в значениях: 1. Широкий кафтан без пояса. Великолукск. Пек., 1852. 2. Длинный меховой халат со стоящим воротником (верхняя одежда бурят). Забайкал., 1960 [11, с. 318]. Из данных значений белгородские говоры фиксируют только одно.

Панéва – ‘женская юбка’ (Красненский район). Др.-русс. понява ‘кусок полотна, покрывало, завеса, нижняя юбка’ [19, с.329]. Словарь В.И. Даля фиксирует такие значения, как ‘полотнище, покрывало, запон, занавес’ [17, с. 652]. В целом в говорах слово употребляется в значениях: 1. Домотканая шерстяная материя. Тул. 1898. 2. Нижняя юбка. Костром., 1980. 3. Женское платье с рукавами из домотканой материи. Кашир. Моск., 1946. 4. Род жакета из домотканого сукна. Южнск. Иван., 1950. 5. Овчинная шуба, покрытая холстом. Рост. Яросл., 1902. 6. Длинная и широкая не по росту одежда. Пек., Осташк. Твер., 1855. 7. Женщина, одетая в платье не по фигуре. 8. Бранное слово. Том., 1964. 9. Попона. Рост. Яросл., 1902. 10. Шлея. Сапожк. Ряз., 1912 [16, с. 254].

Белгородским говорам известно только одно конкретное значение – ‘женская верхняя юбка из плотной ткани, из трех не до конца сшитых полотнищ, обычно из ткани в клетку двух цветов, часть народного костюма’.

Слово общеславянского происхождения, также имеет украинский аналог *понява*.

Панчо́ха – ‘шерстяной чулок без пяток’ (Ровеньской район). Лексема заимствована из польск. *pończocha*, ср. также чеш. *Punčocha* [19, с. 200] через посредство украинского. В говорах употребляется в нескольких значениях: 1. Чулок, обычно кустарного производства. Смол., 1914. 2. Мн. Валенки. Оренб. и др. губ., Бурнашев. 3. Мн. Кожаные домашние тапочки, обшитые мехом. Новосиб., 1978. 4. О женщине в длинном платье. Бурят. АССР, 1968. [10, с. 201]. Белгородский диалектизм по своему происхождению является украинским заимствованием, употребляющимся в значении ‘шерстяной недлинный чулок, обычно без пяток’.

Пыдша́льник – ‘легкий платок’: (Вейделевский район), ср. ‘небольшой женский платок, полушал’ [17, с. 664]. В говорах употребляется в значении: ‘женский головной убор: чепец, повязка и т.п.’ [5, с.252], что имеет место и в белгородских диалектах. При этом здесь имеется вариант, возникший под влиянием украинского языка: укр. приставка *під-* на месте русской *под-*.

Пинжа́к – ‘пиджак’ (Красненский район). Лексема заимствована из англ. *pea-jacket* ‘куртка, короткое пальто’ [19, с. 259]. В диалектах фиксируются следующие значения: 1. Мужское полупальто. Урал, 1934. 2. Мужская зимняя одежда (полупальто, полушубок). Ряз. Ряз., 1960 - 1963. 3. Стеганая рабочая одежда из холста. Вят., 1925. 4. Мужской костюм. Мешков. Новосиб., 1979 [16, с. 21]. В говорах слово Белгородчины употребляется только в общенародном значении.

Свь́та – ‘верхняя, широкая, долгая одежда’ (Вейделевский район), ср. ‘одежда’ [14, с. 731]. По-видимому, слово – общеславянского происхождения, ср.: укр. *світа*, блр. *світа*, др.-русск. *свьита* [17, с. 581]. В говорах употребляется в значении: 1. Ряса священника. 2. Сорочка, рубаха. 3. Старая рваная одежда. 4. Вязаная одежда, свитер. 5. Приданое невесты, наряд [15, с.303]. Думается, что в данном случае перед нами украинизм, проникший в белгородские говоры из речи украинских переселенцев.

Соро́ка ‘головной убор, который носила замужняя женщина’ (Красненский район), ср. ‘головной бабий убор’ [17, с. 757]. По-видимому, слово – общеславянского происхождения, ср.: укр., блр. *соро́ка*, цслав. *сѣрака*, болг. *сра́ка*, сербохорв. *сра̀ка*, словен. *sráka*, чеш., слвц. *straka*, польск. *sroka*. Ассоциируется с птицей из-за сходства с сорочьим хвостом и расцветкой перьев [19, с.723]. В говорах употребляется в значении: ‘женский головной убор’ [6, с. 16], что имеет место и в белгородских диалектах.

Ху́стка – ‘косынка’ (Новооскаольский район), **хусты́на** ‘платок’ (Ровеньской район). Др.-русск. ХУСТА, польск. *chusta* ‘платок, белье’ [20, с. 286]. В словаре В.И. Даля дано в значении: ‘кусок холста, ширинка; платок’ без указания ареала распространения [17, с. 839].

Таким образом, интегральным признаком, объединяющим данные лексемы в одну тематическую группу, является принадлежность к материальным предметам народной культуры. Дифференциальным признаком, разделившим тематическую группу на две лексико-семантические группы (мужская и женская одежда), можно считать «гендерный»: мужская одежда – женская одежда.

Так, к ЛСГ «Мужская одежда» вошли лексемы *ватянка, жупан, зипун, капелюха, картуз, костюм, кофта́н, кухва́йка, малаха́й, одлы́, пидштáныкы, пинжа́к, распáшник, телогрéйка*.

В ЛСГ «Женская одежда» вошли номинанты *жупан, запáска, ко́хта, кухва́йка, куцýна, ли́фчик, наддéвка, падо́л, панéва, панчо́хи, пелычо́к, пítтячко, распáшник, свéта, соро́ка, твéт, халада́йка, ху́стка, ху-сты́на*,

2. Наименования обуви.

Отдельную ЛСГ составляют наименования мужской и женской обуви, включающие такие диалектизмы: *бебешка, ботáлы, пидбо́р, по́ришни, ту́хли, хáвки, чирави́ки, чо́боты, щиблéты*.

Бebéшка – ‘род обуви’ (Новооскольский район), ср. ‘туфли, калоши без задников, верхняя обувь, сверх мештей, на босовики’ [17, с. 46]. По-видимому, слово заимств. из нем. *Babuschen* – то же, или из его источника – франц. *babouche*, которое происходит из араб. *bābuš, bābuġ* [18, с. 100]. В говорах употребляется в значении: ‘суконные туфли’ [2, с. 29].

Ботáлы ‘грубые рабочие сапоги’ (Новооскольский район). В говорах известно следующее значение данной лексемы: 1. Большие сапоги. Иркут., Оренб., 1852. Сиб., Краснояр. Енис., Якут., Перм. 2. Башмаки; неуклюжая обувь. Сиб., 1893. [14, с.129]. Из перечисленных значений белгородским говором, как видим, известно только одно.

Пидбо́р – ‘каблук’ (Ровеньской район). В говорах употребляется слово *подбор* в значении: ‘каблуки’ [12, с. 343], в белгородских диалектах имеет место украинский вариант.

По́ришни – ‘тапочки’ (Красненский район). В словаре В.И. Даля фиксируется значение: ‘постолы, кожанцы, калиги, род сандалий’ [17, с. 656]. Происхождение слово – из др.-русс. *поръшьнь*, мн. *Поръшьни* [19, с. 337]. В говорах употребляется с семантикой ‘род кожаной обуви, по форме напоминающей лапти’ [11, с.88].

Ту́хли – диалектный фонетический вариант общенародного слова туфли в том же значении.

Чирави́ки – ‘род женской обуви’ (Корочанский район), ср. ‘женские башмаки’ [17, с. 850]. По-видимому, слово из тур., азерб. *çayuk* [20, с. 343], в белгородских говорах данная лексема представляет собой украинизм, ср. укр. *черевики* – ‘женские узконосые сапожки на высоких каблуках’, а также ‘вообще обувь’.

Чо́боты – ‘сапоги’ (Ровеньской район). Лексема заимствована из тюрк., ср. тат. *çabata* ‘лыковый лапоть’ [20, с. 370]. Слово имеет в диалектах

Белогорья значение, известное и в других говорах: ‘мужская и женская обувь, высокий башмак, по щиколотки, ботики с острыми кверху носками’ [17, с. 863].

Щиблѣты – ‘ботинки’ (Ровеньской район). Происхождение слова от ит. *stivaletto* ‘полусапог’, *stivale* ‘сапог’ уже доказано этимологами, ср. также ср.-лат. *aestivale* ‘летний мягкий башмак’ [17, с. 478]. В.И. Даль фиксирует лексему в значении ‘суконные, на подкладке, реже кожаные, голенища, паголенки, на крючках или пуговках вдоль наружной стороны голени’ [20, с. 879]. В говорах Белогорья слово становится бытовым синонимом слова ‘ботинки’.

Что касается региональной специфики, то в белгородских говорах выявляются как диалектные варианты общенародных слов, так и собственно диалектная лексика, отсутствующая в общенародном языке, а зачастую – и в «Словаре русских народных говоров»: **ватя́нка** – ‘ватная верхняя одежда’ (Ровеньской район), образование от слова *вата* очевидно; **вўстилка** – ‘подстилка в сапоги’ (Ровеньской район); **одлы́** – ‘вид мужской одежды’ (Вейделевский район); **пўттыачко** – ‘нижнее женское белье’ (Ровеньской район); **твѣт** ‘головной убор невесты’ (Шебекинский район), ср. *цвет*, то есть этот убор представлял собой подобие венка, сплетенного из цветов; **хавки** – ‘плетеная обувь’ (Новооскольский район).

Как видим, в ряду анализируемых слов немало фонетических диалектизмов, в том числе возникших под влиянием говоров украинского языка: **пидбўр** ‘каблук’, ср. *подбор*; **пыдишальник**, ср. *подшальник*; **пидшитаныкы**, ср. *подшитанники*, и т.п. В составе указанных групп присутствуют и собственно украинизмы: **жупўн**, **капельўх**, **панчўха** и т.д., что является следствием пограничного положения белгородских говоров. Кроме того, как известно, Белгородская земля пополнялась в XVI-XVII веке украинскими переселенцами из восточной Черниговщины, Полтавщины и Слобожан Правобережья Украины, что и оказало влияние на языковую ситуацию региона.

Также в говорах Белогорья наблюдаются явления, носившие ранее регулярный характер, а ныне ставшие фактом лексикализации: *твет*.

В целом в белгородских говорах тематическая группа «Наименования предметов одежды» представляет собой систему разнообразных по фонетическим, морфологическим, лексическим, словообразовательным связям слов. В состав представленной группы вошло, по нашим данным, 49 лексем.

Анализ тематической группы «Наименования предметов одежды» пополняет сведения о лексике белгородских говоров, отражая связь белгородских говоров с другими диалектными и языковыми системами в контексте развития языка и культуры народа.

Список литературы

1. Власова Л.А. Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Орел, 2002. – 269 с.

2. Словарь русских народных говоров / сост. И.А. Попов, Н.В. Попова, О.Г. Порохова, Л.И. Царева – СПб.: Наука, 1966. Вып. 2. Ба-Блазниться. 317 с.
3. Словарь русских народных говоров / сост. Л.И. Балахонова, О.Д. Кузнецова, А.Ф. Марецкая, И.А. Попов, О.Г. Порохова, Л.И. Царева – СПб.: Наука, 1974. Вып. 10. Заглазки-Заросить. 388 с.
4. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, А.Ф. Марецкая, И.А. Попов, Н.В. Попова – СПб.: Наука, 1979. Вып. 15. Кор-тусы-Куделюшки. 399 с.
5. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, А.Ф. Марецкая, И.А. Попов, Н.В. Попова, Н.А. Романова – СПб.: Наука, 1994. Вып. 28. Подель-Покороче. 433 с.
6. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, Е.В. Колосько, Л.Е. Кругликова, О.Н. Крылова – СПб.: Наука, 2006. Вып. 40. Поприугомонить-Почестно. 316 с.
7. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, Л.И. Балахонова, О.Д. Кузнецова, А. Ф. Марецкая, П.И. Павленко, О.Г. Порохова, Л.И. Царева – СПб.: Наука, 1972. Вып. 9. Ерепня-Заглядеться. 362с.
8. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, Л.И. Балахонова, О.Д. Кузнецова, П.И. Павлеешо, О.Г. Порохова, Е.Н. Этерлей – СПб.: Наука, 1976. Вып. 11. Зароситься-Зубрѣнка. 363 с.
9. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, Л.И. Балахонова, О.Д. Кузнецова, А.Ф. Марецкая, П.И. Павленко, И.А. Попов, О.Г. Порохова, Е.Н. Этерлей – СПб.: Наука, 1977. Вып. 13. Калун-Кобза. 358 с.
10. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, Л.И. Балахонова, Ю.Ф. Денисенко, А.Ф. Марецкая, И.А. Попов, Н.В. Попова, О.Г. Порохова, К.Н. Этерлей – СПб.: Наука, 1990. Вып. 25. Отчурить-Первачок. 352 с.
11. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, Ю.Ф. Денисенко, О.Д. Кузнецова, А.Ф. Марецкая, П.И. Павленко, И.А. Попов, Н.В. Попова, О.Г. Порохова, Е.Н. Этерлей – СПб.: Наука, 1981. Вып. 17. Леснокаменный-Масленичать. 383 с.
12. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, Ю.Ф. Денисенко, А.Ф. Марецкая, П.И. Павленко, Н.В. Попова, О.Г. Порохова, Н.А. Романова, Е.Н. Этерлей – СПб.: Наука, 1992. Вып. 27. Отчурить-Первачок. 400 с.
13. Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина, Ю.Ф. Денисенко, Е.Н. Этерлей, Н.В. Попова – СПб.: Наука, 1996. Вып. 30. Поприугомонить-Почестно. 385 с.
14. Словарь русских народных говоров / сост. О.Д. Кузнецова, П.И. Павленко, О.Г. Порохова, Ф.П. Сороколетов, Л.И. Царева – СПб.: Наука, 1968. Вып. 3. Блазнишка-Бяшутка. 360 с.

15. Словарь русских народных говоров / сост. О.Д. Кузнецова, С.А. Мызников, В.О. Петруни – СПб.: Наука, 2002. Вып. 36. С-Святковать. 344 с.
16. Словарь русских народных говоров / сост. Ю.Ф. Денисенко, А.Ф. Маецкая, П.И. Павленко, И.А. Попов, И.В. Попова, Е.Н. Этерлей – СПб.: Наука, 1995. Вып. 29. Покорочеть-Попритчиться. 346 с.
17. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание / В.И. Даль. – М.: Эксмо, 2012. – 896 с
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 671 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. – М., 1987. – Т. 3. – 832 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. – М., 1987. – Т. 4. – 864 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. – М., 1986. – Т. 1. – 576 с.